

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД

КАБИНЕТ ДОКТОРА ЛЕНГА

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Пендергаст

Линкольн Чайлд
Кабинет доктора Ленга

«Азбука-Аттикус»

2023

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чайлд Л.

Кабинет доктора Ленга / Л. Чайлд — «Азбука-Аттикус»,
2023 — (Пендергаст)

ISBN 978-5-389-24713-0

В морозильной камере Американского музея естественной истории находят мертвого хранителя. А в другом штате застрелен мастер, изготавливавший копии древних реликвий. Вскоре становится ясно: два убийства связаны.

Пока коллеги специального агента ФБР Алоизия Пендергаста занимаются этими расследованиями, сам он поглощен другим делом – делом, в котором у него есть личный интерес. Помощница Пендергаста Констанс, одержимая местью, вступила в сражение с доктором Енохом Ленгом, безумным экспериментатором, чьи подопытные – живые люди. Враг слишком опасен, и Пендергаст отчаянно ищет способ помочь Констанс. Но возможно ли это? Ведь и Ленг, и Констанс гораздо дальше, чем можно представить... Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-24713-0

© Чайлд Л., 2023

© Азбука-Аттикус, 2023

Содержание

Доктор Ленг скоро примет вас...	6
1	6
2	10
3	12
4	16
5	18
6	23
7	28
8	31
9	36
10	39
11	42
12	44
13	47
14	51
15	53
16	56
17	60
18	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

Кабинет доктора Ленга

© С. Б. Удалин, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Доктор Ленг скоро примет вас...

1

Тусклые лучи утреннего солнца, пробиваясь сквозь завесу пыли и угольного дыма, падали на пересечение Бродвея и Седьмой авеню. Грунтовая дорога была покрыта выбоинами от бесчисленных конских копыт, фургонов и тележек. Ее утоптали настолько, что она не уступала по твердости цементу, за исключением грязных участков вокруг желобов канатного трамвая и утопавших в навозе коновязей.

Перекресток носил название Лонгакр. Это был центр «экипажной торговли», отдаленный район быстро росшего города, с конюшнями и каретными мастерскими.

В это особенно холодное утро на Лонгакре и расходившихся от него улицах было тихо, если не считать случайных прохожих или проезжавших повозок. Никто не обратил внимания, когда молодая женщина с короткими темными волосами и в пурпурном платье необычного покроя и материала вышла из переулка и оглянулась, прищурившись и наморщив нос.

Констанс Грин остановилась, давая время осесть начальному приливу ощущений, стараясь не выдать тех эмоций, что грозили захлестнуть ее. Образы, звуки и запахи внезапно пробудили в ней тысячи воспоминаний детства, таких далеких, что она сама едва ли подозревала, что сохранила их. В первую очередь и особенно чувствительно поразил ее запах города: сложное сочетание земли, пота, конского навоза, угольного дыма, мочи, кожи, жареного мяса и аммиачный привкус щелока. А потом и другие вещи, которые когда-то казались ей обыденными, а теперь выглядели странно: телеграфные столбы, непременно покосившиеся, газовые фонари на каждом углу, бесчисленные экипажи, припаркованные на тротуарах и возле них, и повсеместная убогость. Все говорило о том, что город растет очень быстро и сам же за собой не поспевает. Достаточно было увидеть эти наспех нарисованные вывески, дома из кирпича и известняка, слепленные на скорую руку, скопившуюся грязь, которую никто словно бы не замечал, чтобы сразу понять, что так оно и есть. Но страннее всего было не слышать шума современного Манхэттена: рева машин, сигналов такси, гудения компрессоров, турбин и кондиционеров, подземного рокота метро. Здесь же было сравнительно тихо: стук копыт, крики, смех, редкие щелчки кнута и долетавшее из соседнего салуна дребезжание расстроенного пианино. Она так привыкла к тому, что бульвары Манхэттена кажутся отвесными стальными каньонами, что теперь у нее в голове не укладывалась эта картина, где самыми высокими зданиями, куда ни взгляни, были залитые солнцем трех- или четырехэтажные дома.

Прошло несколько минут. Констанс глубоко вздохнула и повернула к югу.

Она прошла мимо невзрачного ресторана, где предлагались на выбор гуляш из бычьих хвостов, телячья отбивная в горшочке или свиные ножки за пять центов. Рядом стоял мальчишка с большой охапкой газет, пронзительным голосом выкрикивая заголовки новостей. Он с надеждой протянул ей газету, но она покачала головой и прошла мимо, но лишь после того, как прочитала дату: «Вторник¹, 27 ноября 1880 года».

Ноябрь 1880 года. Ее девятнадцатилетняя² сестра Мэри в это время надрывалась до полу-смерти в работном доме Файв-Пойнтс. А двенадцатилетний брат Джозеф отбывал срок на острове Блэквелла³.

¹ Так у авторов. На самом деле 27 ноября 1880 года была суббота (в предыдущей книге серии, «Путь крови», Престон и Чайлд указали верный день недели).

² В «Пути крови» Мэри в ноябре 1880 года восемнадцать лет.

³ Остров Блэквелла (ныне остров Рузвельта) – узкая полоска земли в проливе Ист-Ривер между Манхэттеном и Лонг-

А некий доктор совсем недавно приступил к своим ужасным, смертельным экспериментам.

Сердце Констанс забилося быстрее от мысли, что они еще живы. Возможно, она все же успеет.

Опустив руку в карман блузы, она нащупала старинный стилет, успокаивающе тяжелый, а заодно восемьсот пятьдесят долларов в купюрах и монетах того времени. Затем быстрым шагом двинулась в сторону Геральд-сквер, к лучшей части города.

Пройдя с десяток кварталов к югу, Констанс нашла портного, помимо пошива на заказ торговавшего еще и *prêt-à-porter*⁴. Через час она вышла из ателье в сопровождении приказчика, который нес шляпную коробку и два больших пакета. Вместо пурпурного наряда на Констанс было элегантное платье с турнюром и оборками из сиренево-синего шелка, а также тугой итонский жакет⁵. Бодро шагая по тротуару, она теперь привлекала к себе скорее восхищенные, чем удивленные взгляды. Она остановилась, поджидая, когда приказчик поймает кеб.

Извозчик слез с сиденья, но Констанс сама открыла дверцу и, наступив на подножку высоким ботинком на пуговицах, ловко запрыгнула в кабину.

Удивленно приподняв брови, извозчик забрался обратно, а приказчик тем временем сложил в кабину пакеты и шляпную коробку.

– Куда едем, мэм? – спросил извозчик, натягивая поводья.

– Отель на Пятой авеню, – ответила Констанс и протянула ему долларовую купюру.

– Да, мэм, – ответил извозчик, убрал деньги в карман и без лишних слов стегнул лошадь.

А мгновение спустя экипаж уже затерялся в приливах и отливах полуденного уличного движения.

Проехав еще с дюжину кварталов, кеб остановился возле портика отеля – роскошного шестиэтажного здания из мрамора и кирпича, которое занимало целый квартал на Пятой авеню, напротив Мэдисон-сквер.

– Тпру, Шельма! – крикнул извозчик.

Констанс приоткрыла окошко в задней части крыши.

– Вы не могли бы меня подождать? – спросила она.

Извозчик посмотрел на нее со своего пружинного сиденья, нависавшего сзади над пассажирским отделением.

– Непременно, мэм.

Он опустил рычаг двери, и Констанс вышла. К ней тут же бросились два швейцара и подхватили пакеты и шляпную коробку. Не дожидаясь их, Констанс быстро прошла мимо коринфских колонн в вестибюль, выложенный красным и белым мрамором.

За парикмахерской, телеграфной конторой и рестораном помещался большой регистрационный стол из резного дерева, отполированного до блеска. Один из стоявших за столом мужчин приблизился к ней.

– Вы ищете женскую гостиную, мадам? – почтительно спросил он. – Она этажом выше.

Констанс покачала головой.

– Я хотела бы снять номер.

Портье удивленно поднял брови:

– Для вас и вашего супруга?

– Я путешествую одна.

Он благоразумно опустил брови:

– Понятно. Боюсь, мадам, что все стандартные номера заняты...

Айлендом. В описываемое время там размещались тюрьма и лечебница для душевнобольных.

⁴ Готовая одежда (*фр.*).

⁵ *Итонский жакет* – черный пиджак длиной до талии с широкими лацканами, повторяющий покрой формы студентов Итонского колледжа.

– В таком случае дайте люкс, – сказала Констанс.

В центральном холле отеля, просторном, с высоким сводчатым потолком, не стихали разговоры постояльцев и топот шагов по выложенному ромбами мраморному полу, и Констанс с трудом разбирала ответы мужчины.

– Хорошо, мадам.

Портье обернулся к ряду встроенных в стену ниш, протянул руку к одной из них, взял тяжелую книгу в кожаном переплете и раскрыл ее.

– Есть два свободных люкса на четвертом этаже и еще несколько на втором, если вы не намерены пользоваться вертикальной рельсовой дорогой.

– Чем-чем?

– Вертикальной рельсовой дорогой. Она проходит через все этажи отеля.

Констанс сообразила, что он говорит о лифте.

– Прекрасно. Думаю, второй этаж мне подойдет.

– Вы не хотите взглянуть...

– Просто дайте свой лучший номер, если вас не затруднит.

Внутри Констанс все кричало: «Двадцать седьмое ноября!» Теперь, когда она узнала, что еще может спасти сестру, каждая потраченная на такие пустяки минута казалась ей вечностью.

Опытный служащий отеля, разумеется, заметил ее нетерпение. Он перевернул тяжелый лист конторской книги и обмакнул перо в чернильницу.

– Очень хорошо, мадам. У нас есть чудесный угловой номер с гостиной, спальней, гардеробной и ванной комнатой. – Он обмакнул перо. – Стоимость номера – шесть долларов за ночь или тридцать за неделю. Как долго вы собираетесь гостить у нас?

– Неделю.

– А служанки?

– Простите?

– Ваши служанки. Сколько их путешествует с вами?

– Нисколько. Две.

– Две. Очень хорошо. Мы разместим их в комнатах для прислуги. С питанием, конечно же?

Констанс нервно кивнула.

– Могу я узнать ваше имя?

– Мэри Ульцискор⁶, – ответила она после кратчайшей паузы.

Портье записал имя в книгу.

– Итого тридцать пять долларов пятьдесят центов.

Констанс передала ему четыре десятидолларовые банкноты. Потом обернулась и увидела позади своего скромного багажа терпеливо ждавших швейцаров.

– Вы не могли бы доставить вещи в мой номер? – спросила она, получив сдачу. – Я вернусь позже... вместе с моими... э-э... служанками.

– Конечно.

Констанс дала каждому носильщику по четвертаку, а портье – целый доллар; глаза его округлились от удивления, но он благодарно принял деньги. Она прошла через лобби к выходу, остановившись на мгновение у книжной стойки, чтобы взять путеводитель по Манхэттену.

Кеб ожидал ее возле портика среди уличного шума и пыли. Она пригляделась к извозчику. Лет тридцати пяти, он был скорее мускулистым, чем плотным. Констанс отметила его чистый плащ и хорошие манеры, но квадратная челюсть и сломанная переносица подсказывали, что он знал, как постоять за себя.

Она подошла к сиденью извозчика.

⁶ Ulciscor – мщу, караю (лат.).

– Хотите заработать еще немного?

– Всегда готов, мэм.

У него был легкий ирландский акцент. Графство Корк, предположила Констанс. Еще одна деталь, которая может оказаться полезной.

– Мне нужно съездить в старый город.

– Как далеко, мэм?

Она открыла только что приобретенный путеводитель, нашла нужный перекресток и показала ему.

– Боже правый, мэм! Должно быть, тут какая-то ошибка.

– Никакой ошибки. Я хочу забрать оттуда одну девушку и привезти сюда.

– Неподходящее место для леди, мэм, – заметил извозчик с недоуменным и встревоженным видом.

– Поэтому мне и нужен человек, знающий, как с этим справиться. Человек, у которого... – она порылась в памяти, подыскивая гэльские слова, – *liathróidí cruach*⁷.

Мужчина ошеломленно разинул рот, но ничего не сказал. Тогда она открыла сумочку, даже не пытаясь спрятать лежавший там стилет, достала две пятидолларовые купюры и протянула ему.

– Еще десять долларов вы получите, когда привезете нас обратно живыми и невредимыми.

Извозчик присвистнул.

– Так вы, значит, не боитесь вида крови?

– Разве что после завтрака.

Он рассмеялся и взял деньги.

– Ну что ж, я... Садитесь. Вилли Мёрфи в жизни ни от чего не убегал. – Он подмигнул ей не без игривости. – Даже отправляясь в мир иной, я бы не отказался иметь в кармане десятку, госпожа.

Швейцар помог Констанс забраться в кабину.

– Если вы и вправду туда отправляетесь, я составлю вам компанию, – ответила она извозчику.

Тот снова рассмеялся и недоверчиво покачал головой. Затем потянул рычаг, закрывавший дверь, поднял кнут, щелкнул им в воздухе над головой Шельмы, и лошадь порысила вперед.

⁷ Стальные яйца (*ирл.*).

2

Констанс сидела в кабине экипажа, ехавшего по Бродвею. Потертое кожаное сиденье скрипело на каждой колдобине, жесткие пружины впивались в тело.

С момента ее появления прошло приблизительно два с половиной часа. Значит, была середина дня. Вот и хорошо: там, куда они направлялись, днем безопаснее, чем вечером.

Констанс благополучно перебралась в это место и это время. Через полчаса, а может, и раньше она встретится с Мэри и вырвет сестру из этого жалкого существования, спасет от непосильной работы и неизбежной гибели. При мысли о смерти сердце застучало сильнее. Констанс еще не успела переварить все, что случилось за последние сутки; стоит только поддаться этим воспоминаниям, как они захлестнут ее. Нужно сосредоточиться на одном – спасении сестры.

Экипаж проехал по Четырнадцатой улице, снова повернул на юго-восток, и Констанс прикрыла глаза. Длительные упражнения научили ее освобождаться от ненужных мыслей и приглушать звуки и ощущения. Когда она снова открыла глаза, кеб уже пересекал Ист-Хьюстон-стрит, за которой Четвертая авеню превращалась в улицу Бауэри. Констанс приложила два пальца к запястью и посчитала пульс: шестьдесят четыре.

Терпимо.

Она вернулась в окружающий мир. Пейзаж разительно отличался от фешенебельных окрестностей отеля «Пятая авеню». Здесь преобладали не кебы, а телеги с разбитыми колесами, нагруженные прикрытыми промасленной тканью товарами. Пешеходы, что толпами бродили по тротуарам и прямо по улице, носили жилеты и пиджаки из грубой материи. Женщины попадались редко. А мужчины, даже самые неопрятные, непременно были в шляпах или кепи. Широкие плиты Пятой авеню сменились грубой булыжной мостовой.

Кеб притормозил, и через мгновение послышался стук в крышу кабины. Констанс открыла окошко.

– Да?

Над окошком показалась голова извозчика Мёрфи, натянувшего на уши клапаны кепи.

– Прошу прощения, госпожа, но я бы не стал забирать ее прямо из Файв-Пойнтс.

– Конечно нет. Остановитесь на минутку.

Она сверилась с картой города.

– Я думаю, надо повернуть на запад и ехать по Канал-стрит, а затем на юг по Сентр.

– А потом... налево по Уорт?

– Правильно. Сможете это сделать?

– Я останавлиюсь на углу.

– Очень хорошо. И еще одно, мистер Мёрфи.

– Да, мэм?

– Если будут неприятности, не нужно возвращать нас в отель. Довезите до Юнион-сквер. Не хотелось бы втягивать вас в то, что может... навредить вам. Мне просто нужно увезти свою подругу из этого места.

– Прошу прощения, мэм, но если ее забрали в рабочий дом, на это должна быть причина.

– Она просто имела несчастье выйти из дома в темное время суток и угодить под полицейскую облаву на уличных женщин.

– Вряд ли ее отпустят за здорово живешь.

Постепенно становясь соучастником преступления, извозчик все больше превращался в бывалого или, по крайней мере, уверенного в себе человека.

– Я уговорю их тем же способом, что и вас. Пожалуйста, постучите дважды, когда приедем.

И Констанс закрыла люк.

Кеб тронулся с места. Констанс понимала, что ее голос должен звучать уверенно. Но внутри она не чувствовала ничего, кроме холода. С каждым ударом копыт она погружалась в давние воспоминания. За окном были грязь и нищета, и Констанс окружили давно забытые запахи – пирожков с мясом, бараньих ног и устриц на пару, вонючей типографской краски, приготовленной для завтрашних афиш, едкого угольного дыма. А еще звуки: крики уличных торговцев «Покупайте! Чего изволите?» и стишки, сопровождающие игру в классики или прыжки через скакалку детей, которые пребывают в блаженном неведении относительно своей бедности:

Джонни дал мне персик
И сказал мне: «Жуй!» —
А еще шесть пенсов
Дал за поцелуй.

А когда кеб свернул с Сентр-стрит на Уорт, произошла еще одна перемена к худшему. Констанс будто раздвинула покрывало Исиды и ступила в сверхъестественный мир, простиравшийся за ним. Воздух загустел от масляного дыма нелегальных кожевенных фабрик, пропитавшего все вокруг. Пение детей и крики торговцев стихли. С неба опустился преждевременный сумрак, и уши Констанс начали различать другое: плач отчаяния и боли, ворчанье и ругань, визг и хохот уличных женщин; отвратительный звук, с каким кусок кирпича ударяет в тело. Все они тоже явились из воспоминаний, но других, тех, которые она так долго подавляла.

Экипаж повернул за угол и, покачнувшись, остановился. В крышу дважды постучали, окошко приоткрылось.

– Я только надену шоры Шельме, мэм, – сказал Мёрфи сдавленным голосом.

Констанс приготовилась, опустив руку в карман, где лежали деньги и стилет. Через мгновение заскрежетал запор, дверь отворилась, и Мёрфи протянул руку, чтобы помочь ей. В другой руке он сжимал дубинку с металлическими шипами, наполовину вытащив ее из кармана плаща.

– Не бойтесь, мэм, – сказал Мёрфи. – Это просто моя колотушка.

Он напрасно пытался изображать беззаботность: его глаза пребывали в непрерывном движении. Констанс отметила, что он готов в любой момент отразить угрозу. Вне всякого сомнения, сейчас извозчик жалел, что не остался на окраине города. Но очевидно было и то, что он не собирался бросать женщину, которую сам привез в это место.

С этой мыслью Констанс сделала шаг вперед, потом другой, подняла голову и вдруг замерла, невольно охнув.

3

Они дошли до угла. Впереди, в конце квартала, виднелся сложный перекресток грязных улиц. Четыре из пяти были плотно застроены старыми домами из крошащегося кирпича; верхние этажи угрожающе склонялись к тротуарам. Пятая переходила в небольшую площадь, не примечательную ничем, кроме водозаборной колонки. Ее окружала лужа, в которую сваливали различный мусор и отбросы. Там и сям виднелись приземистые, полуразрушенные деревянные постройки минувшего столетия. Повсюду свободно бродили что-то поклевывавшие курицы и рывшие землю свиньи. Все окна были разбиты, кое-где их затянули воценой бумагой или заколотили досками, прочие же оставались открыты всем ветрам. Над почерневшими стенами лавок не было видно никаких вывесок. Те заведения, что еще сводили концы с концами, давно превратились в винные лавки, таверны и притоны. Из дверей выглядывали пьяные мужчины, отхаркивавшие мокроту и желтые нити жевательного табака. Попадались и женщины. Одни лежали на земле, напившись до бесчувствия, другие подзывали клиентов, задирая юбки или обнажая грудь, чтобы показать товар лицом. Мальчишки пускали в канаве бумажный кораблик, сложенный из старой газеты.

Это был Файв-Пойнтс – худший перекресток посреди худшей трущобы Нью-Йорка. Для Констанс эта картина была вдвойне болезненной, знакомой не понаслышке. Почти полтора века назад она сама, будучи маленькой девочкой, голодной, замерзшей, одетой в лохмотья, бегала по этим улицам и видела то же самое.

– Мэм, – сказал извозчик, слегка подтолкнув ее локтем, – лучше бы нам заняться делом. – Он повернулся к мальчишкам, вытащил из кармана серебряный доллар, подбросил в воздух и положил обратно в карман под их жадными взглядами. – Вы получите это, если моя лошадь и экипаж будут на месте, когда мы вернемся.

Констанс с трудом остановила новый водоворот воспоминаний, которые всколыхнула эта жестокая картина. Ради Мэри она должна быть сильной, и только потом, в безопасном месте, можно будет разобраться со своими эмоциями.

Мёрфи повел ее вперед. Констанс шла за ним, не обращая внимания на грязь и помои, что выплескивались на тротуар, глядя строго перед собой, отгородившись от окликов и похотливого свиста, а также проклятий других женщин, считавших, что она, в дорогом платье, с чистой кожей, составляет им нечестную конкуренцию. Она не решалась заглянуть в узкие извилистые переулки, которые отходили от улицы, со слоем грязи по колено, с бельевыми веревками, закрывавшими небо, с мужчинами в котелках, охранявшими вход в подпольные притоны. Эти переулки источали собственные мерзостные запахи, защититься от которых было куда труднее, – запахи гноящихся ран, тухлого мяса и нечистот.

Констанс споткнулась о булыжник, но Мёрфи подхватил ее под локоть. Они прошли полквартала. Слева выросло старинное здание рабочего дома с измазанными копотью, потрескавшимися стенами и зарешеченными окнами.

Мэри была там, внутри. «Мэри», – мысленно повторяла Констанс имя сестры, словно мантру.

Она посмотрела на другую сторону улицы, где стоял большой дом, сохранившийся лучше соседних. Когда-то здесь находилась Старая пивоварня – самый известный доходный дом в Нью-Йорке, огромный, но душный, потому что в большинстве помещений не было окон. Каждый вход в него имел особое название: Воровское логово, Переулок убийц, Внезапная смерть. Однако по настоянию женского миссионерского общества здание разрушили и на его месте возвели миссию Файв-Пойнтс, призванную помогать нуждающимся женщинам и детям. Констанс хорошо знала этот дом, ведь она, маленькая сирота, не раз выпрашивала хлеб у кухонного входа с Бакстер-стрит. Мэри должна была жить и питаться в миссии. Но из корыстных

побуждений ее вместе со многими другими перевели в работный дом на противоположной стороне улицы, чтобы получить дешевую рабочую силу. Она все время проводила взаперти, работала по шестнадцать часов в день и спала в переполненной, завшивленной конуре.

Ожесточившись от этих мыслей, Констанс оглянулась на Мёрфи. Тот с готовностью кивнул и протянул пальцы к потертой дверной ручке из латуни. Но она не повернулась.

– Вот те раз, закрыто!

Мёрфи принялся стучать, но Констанс остановила его. Вытащив заколку из дамской шляпки, она наклонилась к замку и вставила заколку в скважину. Через секунду-другую послышался щелчок, и Констанс отступила от испарпанной, изношенной ручки.

– Лопни мои глаза! – воскликнул извозчик.

– Важно уметь преподносить сюрпризы. Вы согласны? – (Мёрфи кивнул.) – Что ж, если так, прошу вас.

Извозчик снова ухватился за ручку, сжимая дубинку в другой руке. Одним стремительным движением он распахнул дверь и шагнул внутрь. Констанс юркнула следом, и Мёрфи закрыл за ней дверь.

Констанс быстро огляделась. Прихожая была перегорожена деревянным столом на петлях, который поднимался, как скамья, освобождая проход. Слева и справа за дверьми виднелись другие комнаты, более обширные, с высокими потолками из прессованной жести. Констанс уловила запах мочи и щелока. В углу лежали куриные перья и раковины устриц.

За столом сидел мужчина, видный только до пояса. На нем были потертый пиджак и белая рубашка с расстегнутым грязным воротником. На руках, чуть выше локтей, красовались черные креповые повязки. Под ногтями скопилась грязь. Он сдвинул испачканную в чернилах фуражку на затылок, разглядывая по очереди то Мёрфи, то Констанс.

– В чем дело? Кто вы вообще такие?

– Мы пришли за Мэри Грин, – заявила Констанс, шагнув вперед.

– Пришли, значит? – сказал мужчина, похоже совершенно не впечатленный ни ее богатым нарядом, ни способностью проходить сквозь запертую дверь. – А какое вам до нее дело?

– Мои дела вас не касаются. Я хочу видеть ее... сейчас же.

– Ах даже так? Вы хотите ее видеть. Здесь, по-вашему, зоопарк?

– Пахнет совсем как там, – заметил Мёрфи.

«Как можно скорее, как можно скорее!» Констанс опустила руку в карман.

– Дайте мне объяснить. У вас есть возможность получить немалые деньги за простую работу. Разыщите Мэри Грин и приведите ее сюда. За это вы получите двести долларов.

Констанс показала ему деньги. Глаза на чумазом от копоти лице округлились.

– Нелли Грин, правильно? Ради бога, так бы сразу и сказали, что дело связано с денежным обменом. Давайте деньги, и я приведу ее.

Он потянулся за платой.

Констанс спрятала банкноты обратно в карман.

– Мэри, а не Нелли.

Мёрфи подошел к клерку-тюремщику, покачивая дубинкой.

– Деньги потом.

– Нет, нет, дружище, – сказал тот, миролюбиво протягивая руку. – Деньги вперед.

– Приведите девушку, – с угрозой проговорил Мёрфи.

Наступило молчание. Наконец человек за столом ответил:

– Ты и портянок обмоченных от меня не получишь.

– Ах ты, паскуда!

Мёрфи рванулся к наглецу, схватил за рубашку и буквально перетянул через стол. Но тот заорал во все горло, достал из-под стола мясницкий нож и замахнулся на Мёрфи.

Воспользовавшись потасовкой, Констанс юркнула в комнату слева. Вероятно, когда-то там была часовня, но теперь окна забрали железными прутьями, вместо церковных скамеек поставили ряды грубых коек, а пол забросали соломой. В помещении стоял нечеловеческий холод. Сквозь тонкие матрасы легко угадывалась металлическая сетка. Под койками лежали грязные лохмотья. Штукатурка осыпалась со стен, обнажив доски каркаса, затянутые газетами и промасленной бумагой.

Едва не обезумев от необходимости разыскать сестру, Констанс промчалась в заваленную грязной одеждой соседнюю комнату, где стояли прачечные принадлежности, а потом дальше, туда, откуда доносились лязг и гудение. В большом темном помещении на чем-то вроде табуретов для доения, поставленных в два ряда, сидели женщины и девушки в грязных рубашках. Перед каждой стоял педальный ткацкий станок.

Шум постепенно затих. Одна за другой женщины прекратили работу и молча уставились на Констанс.

Пока Констанс лихорадочно вглядывалась в их лица, выискивая сестру, из дальнего конца комнаты к ней направился охранник в форме, с дубинкой на поясе. Подбитые гвоздями сапоги гулко стучали по деревянному полу.

– Что здесь происходит? Кто вы такая?

Констанс отскочила назад и бросилась к выходу, вытащив на бегу стилет. Мёрфи уже заломил противнику руку за спину, тот выронил нож и теперь всхлипывал, моля о пощаде.

Но тут задняя дверь со стуком распахнулась, и в прихожую словно шторм ворвалась женщина.

– А ну прекратить! – разрезал воздух ее крик.

Высокая и худая как скелет, она была в длинном коричневом платье с пуговицами от шеи до талии. В цепких глазах светился ум, и от нее веяло такой холодной властью, что оба дерущихся сразу притихли.

– Что означает это безобразие? – спросила она, оглядывая всех по очереди, пока не остановилась на Констанс. У той кровь застыла в жилах.

– Мы пришли за Мэри Грин, – заявила она, по-прежнему сжимая в руке стилет. – И уйдем только с ней, так или иначе.

Женщина безрадостно рассмеялась:

– Ваш пафос совершенно ни к чему, юная леди.

Она обернулась к мужчинам, которые уже отпустили друг друга и стояли растрепанные, тяжело отдуваясь.

– Ройдс, займитесь делом, – прикрикнула она на служащего, и тот засеменил прочь, на прощание бросив через плечо злобный взгляд.

Женщина подошла к полке, сняла с нее большую конторскую книгу, положила на стол, быстро пролистала и раскрыла на той странице, что была помечена лентой.

– Так я и думала, – сказала она, разглаживая страницу. – Вчера ее забрали.

– Куда забрали?

– В лечебницу. Доктор посчитал, что она больна, и удостоил ее особым вниманием. – Она помолчала. – Отчего вас так заботит ее судьба?

– Она друг нашей семьи, – ответила Констанс.

– Тогда вы должны благодарить судьбу. Мало кому из здешних обитательниц посчастливилось попасть под опеку доктора Ленга.

– Доктора Ленга, – повторила Констанс.

Ей казалось, что пол горит у нее под ногами и она вот-вот провалится сквозь землю.

– Да. Его появление прошлым летом стало для нас величайшим благословением. Уже пятеро наших юных леди посланы на поправку в его частную лечебницу.

Констанс словно онемела. Женщина смотрела на нее все так же подозрительно.

– Где она... эта лечебница? – спросила Констанс.

– Мне не по чину задавать вопросы доктору. Но уверена, что это прекрасное место, – ответила женщина с металлом в голосе. – Ради безопасности пациенток ее расположение хранится в секрете.

Констанс машинально, как в кошмарном сне, придвинула к себе книгу. На странице было около дюжины записей: о вновь прибывших, одной освобожденной по окончании срока, а также умерших от тифа и вывезенных на катафалке... и еще две пометки «ОТПРАВЛЕНА В ЛЕЧЕБНИЦУ ДЛЯ ТЩАТЕЛЬНОГО УХОДА». В последней записи говорилось о Мэри. Дата – понедельник, 26 ноября. Вчера. Ниже стояла подпись: «Е. Ленг». Чернила еще блестящие.

«Вчера». Констанс пошатнулась и взмахнула рукой, в которой держала стилет.

– Делайте что хотите. Я готова к встрече с Ним, когда придет время, – сказала женщина, приняв этот жест за выпад, и посмотрела на нее с нескрываемым презрением.

– Мы уже уходим, – проговорил Мёрфи, увидев, как клерк потянулся к тревожному колоколу.

Он взял Констанс под локоть и подтолкнул к двери. Она не сопротивлялась. Уже закрывая дверь, извозчик бросил клерку:

– Buinneach dhearg go dtigidh ort!⁸

Констанс возвращалась, пошатываясь, не слыша насмешек зевак и не замечая уличной вони. Когда она окончательно пришла в себя, экипаж снова ехал по Канал-стрит, направляясь к отелю.

Окошко в крыше чуть приоткрылось.

– Мне очень жаль, мэм, что мы мало чего добились.

– Благодарю вас, мистер Мёрфи, – выдавила из себя Констанс. – Вы сделали все, что могли.

Кеб остановился у навеса над крыльцом отеля, швейцары подбежали, чтобы открыть дверь и помочь Констанс. Она постучала в окошко и, когда оно распахнулось, протянула Мёрфи десять долларов.

– Мистер Мёрфи, а что, если я найму вас сроком на неделю или около того?

– Как пожелаете, мэм... и сердечно вас благодарю.

– Очень хорошо. Пожалуйста, приезжайте сюда завтра к девяти утра и ждите меня на стоянке.

– Да, мэм.

– И еще одно, мистер Мёрфи. Возможно, вы могли бы потратить сегодняшний вечер на то, чтобы сделать мне небольшое одолжение.

– Какое, мэм?

– Почините это неудобное сиденье.

Он с усмешкой поднес руку к шляпе:

– Будет исполнено, мэм.

Люк закрылся, Констанс спустилась на тротуар и прошла по мраморным ступенькам в просторный холл, бормоча под нос окончание детского стишка, который слышала час назад, еще полная надежд:

Забери свой персик,
Сам им подавись.
Забери шесть пенсов,
И отсюда брысь.

⁸ Чтоб тебя кровавый понос прихватил (*ирл.*).

4

Констанс стояла возле эркера гостиной и наблюдала за тем, как фонарщики зажигают один за другим газовые фонари на Пятой авеню. Она оставалась неподвижной, пока ночь не подкралась к городу и с гавани не надвинулся зимний туман, превративший фонари экипажей в светлячков, а огни Мэдисон-сквер – в содружество тусклых звезд.

Тьма накрыла ее, трезвомыслие на время угасло. Констанс смотрела в темноту, и эмоции понемногу начали заявлять о себе. Первой пришла злость: слепая, бессмысленная злость на превратности судьбы, что привели ее обратно именно сегодня, когда было уже поздно спасать сестру. Доктор Ленг забрал Мэри в свою «лечебницу», и у Констанс были все основания верить, что женщина из работного дома не знает, где она находится. Ленг не стал бы сообщать об этом, поскольку его лечебница не то место, откуда возвращаются здоровыми... Если вообще возвращаются.

Констанс знала, что Ленг начал «оказывать услуги» работному дому летом. Еще до возвращения сюда она прекрасно понимала, что может опоздать. Оставалось одно утешение, хотя и слабое: несколько недель с сестрой не случится ничего особенно плохого. Ленг должен на время назначить Мэри усиленное питание и особый уход, прежде чем провести операцию... и собрать урожай с ее тела.

Еще более срочной проблемой был ее брат Джозеф, которому только-только исполнилось двенадцать. Он сидел в тюрьме на острове Блэквелла. Констанс знала, что Джозефа освободят накануне Рождества. И что его изобьют до смерти на следующий же день, в Рождество, после неудавшейся карманной кражи. Знала, потому что видела это собственными глазами.

Болезненное, жестокое полугодовое пребывание на острове Блэквелла должно было изменить Джо. После освобождения он мог оказаться совсем другим человеком, обученным, хотя и недостаточно, воровскому искусству, которое так быстро приведет его к гибели. С каждым днем, проведенным в заключении, он все меньше напоминал прежнего невинного и доверчивого мальчика.

А дальше следовало позаботиться о собственном двойнике. В этой параллельной реальности существовала своя Констанс Грин: девятилетняя девочка, замерзшая и голодная, бродяжничающая на улицах Файв-Пойнтс. По странной причуде времени и мультивселенной Констанс должна была отыскать и спасти маленькую себя. Теперь, когда увезли Мэри, малютка Констанс не могла рассчитывать даже на те хлебные корки, что бросала ей старшая сестра сквозь оконную решетку работного дома. Но Констанс знала, что ее маленькая двойняшка из этой эпохи, из этого параллельного мира должна выжить. Потому что выжила она сама.

Нужно было собраться и разработать план. Она не могла больше жить под именем Мэри Ульцискор. Молодая незамужняя женщина, путешествующая в одиночку, привлекает ненужное внимание. Жаль, что она устроила неприятную сцену в работном доме – впредь придется быть осторожнее. К счастью, Констанс не назвала своего имени, но та женщина со стальными нервами не скоро забудет о случившемся.

Отвернувшись от окна, Констанс прошлась по комнате и уселась за письменный стол. На нем лежали свежая газета, карта Нью-Йорка, стилет, сумочка с драгоценностями и два свернутых листа пергамента, с которыми она не расставалась в последние годы.

Пятая авеню могла бы стать на ближайшую неделю подходящим местом как для нее самой, так и для двух несуществующих служанок. Но задуманное ею требовало надежной базы, убежища, где она и все остальные будут в безопасности. Кроме того, ей была нужна новая личина и другая выдуманная история, которая объяснила бы ее появление и позволила освоиться в нью-йоркском обществе, не вызывая нежелательных слухов. А еще помощники,

которым можно доверять. Мёрфи – это хорошее начало. Но необходимы и другие, способные выполнять разные задания и помочь не потеряться в этом странном, почти забытом времени.

С деньгами такое вполне возможно. Богатая и красивая молодая женщина с таинственным прошлым без труда войдет в здешнее общество, если будет действовать разумно и осторожно.

«С таинственным прошлым». Она открыла газету и нашла статью о трагическом кораблекрушении, которую заприметила раньше. Окунула перо в чернильницу и обвела ее. Потом отложила перо и пододвинула ближе сумочку и листы пергамента.

Мэри пока в безопасности. Найти свое второе воплощение, маленькую Констанс, будет нетрудно. Девочке тоже ничего не угрожает прямо сейчас. Главная задача – спасти Джо, чьи страдания в тюрьме на острове Блэквелла трудно даже представить.

Но перед этим нужно заняться собственным перерождением. Она должна, подобно фениксу, воскреснуть из пепла своего будущего. Для такой причудливой трансформации необходим тонкий, искусный план... И этот план уже угадывался.

5

29 ноября 1880 года, четверг

Джордж Фредерик Кунц сидел в личном кабинете на втором этаже фирмы «Тиффани и компания». Толстые стены приглушали шум и суету Юнион-сквер, а высокие узкие окна, разумеется обращенные на север, бросали рассеянный свет на стекла витринных шкафов. Эти шкафы были наполнены не алмазами, изумрудами и сапфирами, как внизу, в пышной экспозиции выставочного зала, а тусклыми, неприметными минералами. Ни единого проблеска не мелькало на серых, бурых и бежевых каменных осколках за стеклом. Сияние драгоценных камней каждый день сочилось, словно вода, сквозь пальцы Кунца, но трофеи из этого шкафа принадлежали ему, и только ему. Никто, кроме самого Чарльза Льюиса Тиффани, даже не спрашивал о них, а приходившие в кабинет клиенты были слишком заняты собственными делами и не обращали внимания на то, что их окружало. Только Кунц знал истинную ценность этих минералов, потому что сам отыскал их, извлек из гнейсовых гор Нью-Гемпшира или магматического батолита Северной Дакоты. Каждый образец сыграл свою роль, когда он самостоятельно изучал минералогию, а проведенных при этом полевых исследований оказалось достаточно для того, чтобы в двадцать три года он стал вице-президентом «Тиффани» и ее главным специалистом по драгоценным камням.

Кунц снял нарукавники и раскрыл журнал деловых встреч. Большая часть утра обычно уходила на осмотр и закупку драгоценных камней, и этот день не был исключением. Правда, он выдался довольно скучным: один необработанный черный опал в семь карат (Кунц считал, что новая метрическая система лучше всего подходит для классификации камней, и сам часто пользовался ею), а также кучка дешевых речных жемчужин, которые он отказался покупать. Единственным интересным приобретением был неограниченный рубин весом в двенадцать граммов, привезенный бельгийским капитаном с Цейлона. Кунц не стал возражать капитану, утверждавшему, что это именно рубин, но после того, как ознакомился с изометрической⁹ структурой кристалла и другими показателями, был совершенно уверен, что перед ним шпинель¹⁰. Довольно редкий камень кроваво-красного цвета, настолько глубокого, что он напоминал тирский пурпур¹¹.

Улыбнувшись, Кунц вернулся мыслями к выставочному залу на первом этаже и тем, кто в нем работал. Под руководством Чарльза Тиффани компания проделала путь от галантерейного магазина до крупнейшего в стране центра по торговле ювелирными изделиями. Именно здесь сливки общества приобретали кольца, часы, браслеты и редкие камни. Клиентов обслуживали лучшие в своем деле продавцы, чей заработок был соответствующим. Однако они, хоть и вручали покупателям бриллианты, оставались обычными служащими. Когда Кунц утром проходил в свой кабинет мимо прилавков в «Ювелирном дворце» на Юнион-сквер-вест, 15, и когда вечером он возвращался домой, они кивали и улыбались. Но вряд ли, думал Кунц, им хоть раз приходило в голову, что этот молодой человек несет ответственность за все товары, которые они предлагают. Он сам закупал камни, сам находил поставщиков и в редких случаях, доставлявших ему особое удовольствие, сам изготавливал украшения.

Всего через шесть недель после назначения на должность главного специалиста Кунц отплыл в Париж, где его дожидался огромный необработанный желтый алмаз из Кимберлийских копей в Южной Африке. Чарльз Тиффани, чья слабость к желтым алмазам была вполне

⁹ Изометрическими называются кристаллы, одинаково развитые в трех измерениях.

¹⁰ *Шпинель* – ювелирный камень. Красная (рубиновая) шпинель не имеет ничего общего с рубином, однако высоко ценится.

¹¹ *Тирский (королевский) пурпур* – натуральный краситель красновато-фиолетового цвета.

объяснима, приобрел этот камень за баснословную сумму, и Кунцу предстояло убедиться, что мистер Тиффани удачно вложил деньги.

Невероятно ответственное поручение. И возможно, именно благодаря своей молодости Кунц принял решение, которое любой из его старших, более опытных коллег посчитал бы безрассудным. Очарованный уникальной цветовой насыщенностью камня, Кунц решил при огранке не гнаться за размером, а по возможности сохранить сияние. Вместо обычных пятидесяти восьми граней он попросил сделать – неслыханный случай – восемьдесят две. Этот отчаянно смелый выбор привел к появлению Алмаза Тиффани – канареечно-желтого камня, уникального по размеру и глубине цвета. Он увеличил престиж компании Тиффани... и сделал карьеру Кунцу.

Кунц понимал, что его первый успех может остаться непревзойденным. Спрос на его услуги был высоким, он мог заработать больше, став оценщиком в «Сотбис» или даже в лондонском Ллойде. Но у Чарльза Тиффани была мечта, которой он поделился с Кунцем. Тиффани хотел стать «алмазным королем» – но не просто собрать большую часть камней, а отыскать самые интересные и редкие. И не боялся рискнуть ради этого огромными деньгами. Поэтому Кунц, даже зная, что в будущем его ожидает фундаментальная работа – возможно, консультантом в Американском музее, – с готовностью согласился помочь Тиффани в осуществлении его мечты.

Кунц вздохнул и вернулся к журналу. В этот день его ждала еще одна встреча, и уже совсем скоро. Она обещала быть интересной: женщина благородного происхождения, уроженка Восточной Европы, из некоего то ли герцогства, то ли княжества или бог знает откуда еще. Междоусобные войны вспыхивали там настолько часто, что страны то и дело меняли названия, и Кунц не имел охоты следить за этим. Разумеется, в этих краях плодились самозванные принцессы и графы, всегда готовые продать такие же поддельные драгоценности из стразов или еще более дешевых камней. Однако у Кунца был способный и здравомыслящий помощник по имени Грубер, который не только следил за расписанием, но и выполнял обязанности привратника. Нет, лучше употребить слово «золотоискатель»: тот, кто умеет найти жемчужину в куче навоза. Грубер советовал принять эту женщину, посчитав ее настоящей аристократкой, хотя и довольно загадочной. Более того, он заявил, что аристократка должна «необычайно заинтересовать» Кунца. В устах флегматичного Грубера такая рекомендация звучала обнадеживающе. Поскольку женщина наряду с другими камнями предлагала алмазы, Кунц назначил встречу на час дня: чуть позже солнечный свет из северного окна станет недостаточно белым для точной оценки.

Словно в ответ на его мысли, раздался условный стук в дверь из рифленого стекла: Грубер.

– Леди уже здесь, сэр.

– Пожалуйста, проводите ее, – сказал Кунц.

Грубер открыл дверь, и через мгновение посетительница вошла в кабинет. Кунц немедленно встал, повинувшись скорее инстинкту, чем законам вежливости. Женщина выглядела просто потрясающе: среднего роста, стройная, на плечах – меховое боа, которое Грубер услужливо принял. Под боа оказалось изящное платье из шелка модного в этом году розового цвета, с баской и рукавами, которые заканчивались манжетами из брабантского кружева. При всем изяществе покроя посетительниц в таких платьях Кунц еще не видел. Оно не имело турнюра и подчеркивало фигуру женщины больше, чем полагалось. В целом платье выглядело несколько... нельзя сказать, что вызывающе, но оно скорее подошло бы для парижских салонов, чем для Нью-Йорка. То была женщина необыкновенной красоты.

Грубер прочистил горло.

– Ее светлость герцогиня Иновро... Иловро...

– Иновроцлавская, – закончила женщина низким, но приятным голосом.

Кунц вышел из-за стола и выдвинул мягкий стул.

– Прошу, ваша светлость. Будьте моей гостьей.

Она поблагодарила его, подошла и села на стул, двигаясь благопристойно и в то же время грациозно. Грубер прикрыл дверь и сел возле входа. Он был не только секретарем и привратником Кунца, но также телохранителем и всегда держал наготове пистолет, если кто-нибудь вдруг решился бы на ограбление. Кунц тоже держал двухзарядный «дерринджер» в кармане пиджака: это было почти обязательным требованием для работы в «Ювелирном дворце».

Предложив гостье прохладительный напиток, от которого она отказалась, Кунц вернулся на свое место за столом, улыбнулся и отпустил пару-тройку обычных любезностей, призванных заодно проверить ее легенду. Женщина превосходно говорила по-английски, с едва заметным намеком на акцент; ничто в манерах, осанке и поведении гостьи не позволяло усомниться в ее знатном происхождении. И все же одна мелкая несообразность привела Кунца в замешательство. Ей недоставало свиты. Она остановилась в лучшем, по всеобщему мнению, отеле города и, как подозревал Грубер, воспользовалась псевдонимом, чтобы снять номер. Все это требовало дальнейшего расследования. Но, разумеется, лучшим доказательством стали бы замечательные драгоценности, которыми она, по ее словам, владела.

Кунц еще раз улыбнулся, кивнул и положил руки на стол ладонями вниз.

– Насколько я понял, ваша светлость, вы собираетесь предложить нам некие драгоценные камни. – (Женщина наклонила голову.) – Очень хорошо. В таком случае не могли бы вы рассказать о том, как они оказались в вашей собственности?

Возникла пауза. Такие моменты часто бывают неловкими.

– Вы должны понимать, – продолжил Кунц. – Мы, как крупнейший поставщик драгоценных камней, обязаны принять все меры, чтобы убедиться в качестве и происхождении того, что продаем... и, соответственно, покупаем.

– Понимаю, – ответила герцогиня. – И буду только рада выполнить ваше пожелание, но прошу об ответной любезности: не могли бы мы поговорить конфиденциально? Это не только удовлетворит ваше любопытство, но и поможет мне удостовериться в собственной безопасности.

Кунц задумался, потом украдкой кивнул Груберу, приказывая выйти. Не было ничего предосудительного в том, чтобы остаться наедине с женщиной в своем рабочем кабинете. Да и какое злодейство она могла замышлять – наброситься на него со сверкающим кинжалом в руке? Вопиющая нелепость. Это же Нью-Йорк 1880 года, а не какой-нибудь бульварный роман. Тем не менее Кунц незаметно прижал правый локоть к телу, проверяя, на месте ли «дерринджер».

Кунц и герцогиня посмотрели друг на друга. Он пораился необычному фиалковому оттенку ее глаз и глубине взгляда, говорившей о большом уме, жизненном опыте и уверенности в себе. Эта женщина испытала больше, чем можно было предполагать с учетом ее возраста.

– Я расскажу вам свою историю, – сказала она. – Но вынуждена просить вас держать ее в строжайшем секрете, потому что я в буквальном смысле слова отдаю свою жизнь в ваши руки. И делаю это только для того, чтобы вы все поняли, увидев камни.

Она замолчала. Кунц сделал жест – «продолжайте» – и сказал:

– Пожалуйста, миледи.

– Меня зовут Каталина, – начала она. – Недавно я приехала из бывшего княжества Трансильвания, где нашла убежище моя семья, однако моя прародина – герцогство Иновроцлавское в Галиции. Я происхожу из дома Пястов, и моя родословная восходит к Казимиру Четвертому, герцогу Померании. Считалось, что он погиб, не оставив наследника, в тысяча триста семьдесят седьмом году, сражаясь против Владислава Белого, и его титул перешел к Владиславу Второму, отлученному от церкви в тысяча триста восьмидесятом году, – предположительно, последнему герцогу Иновроцлавскому. Однако жаждавший новых земель Владислав не подо-

зревал, что у Казимира был сын, Казимир Пятый, который вернулся на родину при содействии Людовика Первого Венгерского во время смуты, возникшей после смерти Владислава, и был вправе претендовать на титул герцога, земли и драгоценности. Людовик потребовал от него безоговорочной преданности, и моя семья выжила и разбогатела, поскольку хранила верность королю и ценила ее выше личных амбиций: а *băga mâna în foc pentru cineva*¹². Однако эта традиция прервалась в тысяча семьсот семьдесят втором году, когда страну захватила Пруссия. Мой предок, герцог Иновроцлавский, сбежал в Трансильванию. К несчастью, на этом неприятности не закончились: мой дед погиб в тысяча восемьсот сорок восьмом году, во время Венгерской революции, а отец – перед *Ausgleich*¹³ Семинедельной войны¹⁴, тринадцатью годами позже. Остались только мы с матерью – последние представители некогда гордого рода герцогов Иновроцлавских. Титул удалось сохранить: он перешел по материнской линии вместе со значительным состоянием. Однако после смерти матери в минувшем году о моем существовании стало известно другим членам дома Пястов, из линии, восходящей к приемному сыну Болеслава Пятого Стыдливому. Если я умру, не оставив наследника, они могут предъявить права на мой титул и мое богатство. – Она помолчала. – Я понимала, что моя жизнь не стоит и ломаного гроша, пока я остаюсь в Трансильвании. Поэтому после смерти матери я тайно покинула Европу, путешествуя в одиночестве, под чужим именем. Мои домашние со всем имуществом должны были последовать за мной в Америку через полгода. К этому времени я предполагала заявить о себе и своих правах по рождению.

Теперь она умолкла надолго, вероятно закончив рассказ.

– И эти шесть месяцев уже прошли? – спросил Кунц. Он совершенно потерялся в хитросплетении титулов и событий. Герцогиня кивнула. – Осмелюсь спросить, зачем нужна такая секретность?

– Дело в том, что семеро моих слуг вместе с вещами и фамильными ценностями меньше месяца назад отплыли из Ливерпуля на пароходе «Сити оф Лондон». Они везли все мое достоинство, кроме драгоценных камней.

Мгновение спустя Кунц уловил связь, вспомнив, что пассажирский пароход с таким названием пропал несколько недель назад, выполняя рейс в Нью-Йорк. Сорок один человек погиб.

– Боже милостивый! – пробормотал он. – Соболезную вам.

Вместо ответа молодая герцогиня достала из вместительной сумочки потертый кожаный конверт и протянула через стол. Кунц так же молча принял его, открыл и вытащил сложенный лист пергамента, который положил на стол и развернул с величайшей осторожностью.

Он видел немало похожих верительных грамот, как настоящих, так и поддельных. Сверху блестели позолотой три герба, потрескавшиеся, словно древний фарфор. Остальная часть документа, написанная чернилами, начиналась словами: *Louis Király Nevében*¹⁵, крупные буквы были выведены рустикой¹⁶. По низу шла трехцветная лента, скрепленная восковой печатью, также треснувшей посередине. Кунц вытащил из ящика стола увеличительное стекло и внимательно рассмотрел пергамент, предварительно испросив у герцогини позволения на такую вольность. Да, он ни слова не понимал по-венгерски – или это был румынский? – но достаточно хорошо разбирался в аристократических грамотах, чтобы не усомниться в подлинности документа. Если у него и были какие-то подозрения насчет леди, ее истории и происхождения ценностей, теперь они рассеялись.

¹² Сунуть руку в огонь ради кого-либо (*рум.*). В переносном смысле – быть уверенным в чьей-либо верности.

¹³ Соглашение, мирный договор (*нем.*).

¹⁴ Семинедельная война между Пруссией и Австрией (1866) завершилась поражением последней.

¹⁵ Именем короля Людовика (*венг.*).

¹⁶ *Рустика* – развившийся из римского капитального (служившего для надписей на монументальных памятниках) письма шрифт с тонкими вертикальными штрихами и широкими горизонтальными.

Он осторожно сложил пергамент, поместил обратно в конверт и передал герцогине.

– Благодарю вас, миледи. С вашего разрешения, давайте продолжим?

– Я к вашим услугам. Понимаю, что в этом деле вы говорите от имени «Тиффани и компании». По причинам, которые, надеюсь, понятны, мне необходимо как можно скорее получить кредит от крупного банка, чтобы покрыть расходы. Предполагая, что мы придем к соглашению по моим драгоценностям, я хочу попросить аккредитив от «Тиффани» для отделения Нью-Йоркского банка на Уолл-стрит, вступающий в силу с сегодняшнего дня. Он может быть принят в счет оплаты. Несомненно, вы или мистер Тиффани захотите пригласить вашего личного банкира для перевода всей суммы, и мы можем составить официальный документ с указанием даты встречи, удобной как для вас, так и для меня.

Если первое условие Кунц прекрасно понимал, то второе привело его в недоумение. Будучи иностранкой, герцогиня, очевидно, не знала, что в подземных хранилищах крупнейшей ювелирной компании Нью-Йорка лежат немалые наличные средства, которых, вне всякого сомнения, хватит, чтобы покрыть стоимость ее драгоценностей.

– Уверяю вас, миледи, вы можете ни о чем не беспокоиться, – сказал он. – Мы без труда достигнем соглашения. Если, конечно, наша... э-э... оценка достойна такого доверия.

Женщина кивнула.

– В таком случае почему бы не перейти к делу? Надеюсь, вы понимаете, что для этого требуется яркий дневной свет.

– Понимаю, – ответила герцогиня.

Кунц позвал Грубера. Тот вошел и закрыл за собой дверь, затем поднял жалюзи до предельной высоты и занял прежнее место. Отложив увеличительное стекло, Кунц снова выдвинул ящик стола и достал оттуда различные инструменты, мензурку с минеральным маслом, ювелирную лупу и два квадрата из тончайшего черного войлока, положив их вплотную друг к другу, в центре стола. Потом натянул белые перчатки, разгладил отвороты жилета и повернулся к сидевшей напротив него женщине.

– Можно начинать, ваша светлость? – спросил он, почтительно склонив голову.

6

Обтянутая перчаткой рука герцогини потянулась к сумочке. Кунц и Грубер обменялись взглядами. Это происходило уже несколько сот, если не тысяч, раз, но по-прежнему волновало Кунца.

– Я расскажу все, что знаю, о каждом из камней, – сказала герцогиня и достала маленький атласный мешочек, стянутый тончайшей золотой нитью.

Кунц понимающе кивнул, не сводя глаз с протянутого ему мешочка. Пальцы в белых перчатках осторожно потянули золотую нить и выложили камень на черный войлок.

Кунц взял за правило не проявлять в таких случаях эмоций и следить за выражением лица, не изменив ему и в этот раз. И все же он был разочарован. На войлочной подложке лежал крупный восьмиугольный изумруд со ступенчатой огранкой. Он был синевато-зеленого оттенка, но не темного, почти что цвета морских водорослей, как у лучших камней, а скорее салатного. Очень красивый, но без нужной насыщенности. Кунц почему-то ожидал большего.

– Этот камень носил греческое имя «Элизион», – объявила герцогиня. – Думаю, по-английски будет «елисейские поля». Его нашли в Новой Гранаде... я хотела сказать, в Соединенных Штатах Колумбии.

Кунц пробормотал что-то утвердительное, подцепил камень мягкими щипчиками, поднял перед собой и приставил лупу к глазу. Он внимательно рассматривал драгоценность, поворачивая к свету то одной, то другой гранью. Большинство изумрудов, особенно крупные, имеют включения, но этот был почти без изъянов.

Кунц лучше кого-либо знал, что в геммологии, крайне непостоянной науке, в это время происходили особенно сильные изменения. Сторонники каждой школы устанавливали свои правила градации камней – по чистоте, цвету и, главное, размеру, – а утверждение единого стандарта шло очень медленно. Всего несколько лет назад Парижская ювелирная палата, самое влиятельное из профессиональных объединений французской столицы, перешла на «международный карат» в двести пять миллиграммов. Сам Кунц предпочитал метрический карат в двести миллиграммов – ровно пятая часть грамма. Разумеется, это в любом случае было лучше, чем тогда, когда вес камней определяли с помощью семян рожкового дерева. Навскидку Кунц оценил камень приблизительно в тысячу девятьсот пунктов¹⁷, и взвешивание подтвердило его предположение: восемнадцать и девять десятых карата.

Через несколько минут Кунц положил камень обратно на войлок. Он знал, что изумруды такого размера редко бывают безупречными, но если изъяны не видны невооруженным взглядом, камни считают визуально чистыми. Однако с этим было не так: едва различимые на глаз крошечные вкрапления при увеличении становились еще более заметными. Тем не менее этот замечательный по качеству и цвету образец определенно заслуживал места в лучшем выставочном шкафу «Тиффани».

Кунц сел в кресло и прочистил горло.

– Прекрасный изумруд, миледи. С очень красивым оттенком. Только прозрачность у него второй воды. Мы готовы хорошо заплатить за него. Три с половиной тысячи долларов.

Уже несколько недель он не предлагал за камни такую сумму и теперь ожидал увидеть на лице клиентки благодарность и восторг. Но быстро понял, что ошибся.

– Сэр, – ответила герцогиня, – если вы полагаете, что этот камень не самой чистой воды, то я при всем уважении к вам вынуждена не согласиться. Его прозрачность очевидна, и я хочу попросить вас еще раз осмотреть изумруд, обращая особое внимание на то, как пропорции и огранка камня усиливают отражение и преломление света.

¹⁷ Пункт – единица измерения веса драгоценных камней, равная сотой доле карата.

Кунц снова взял изумруд, не столько для того, чтобы рассмотреть еще раз, сколько из желания скрыть свое смущение. Герцогиня кое-что понимала в драгоценных камнях... по крайней мере в том, который он сейчас изучал. Хотя термином «прозрачность» чаще пользовались в минералогии, а не в геммологии, он был вполне уместен, как и прочие замечания герцогини. А ее намеки на то, что деление камней на «воды», первую, вторую и третью, устарело, задела его за живое.

– Разумеется, вы специалист, а я нет, – вмешалась в его размышления герцогиня. – И окончательное решение всегда за оценщиком. Я надеялась и продолжаю надеяться, что улажу все свои дела с вами. Это лучше, чем терять время и рисковать оглаской, неизбежной при посещении Мейден-лейн.

Упоминание об улице, известной в те времена как Алмазный ряд, можно было счесть угрозой, пусть и высказанной в вежливой форме. Кунц и сам предпочел бы заключить сделку с этой леди... И его все сильнее разбирало любопытство: что еще может оказаться в ее сумочке?

Она не протянула руку, чтобы забрать камень.

– Вы совершенно правы, – сказал Кунц, положив изумруд на войлок. – При внимательном осмотре я убедился, что мы могли бы поднять цену до четырех с половиной тысяч.

– Это любимый камень моей бабушки. Мне бы не хотелось расставаться с ним меньше чем за шесть тысяч.

– Мы... э-э... должны это обдумать, – ответил Кунц с едва уловимой задержкой.

Все зависело от того, что оставалось в сумочке. Он опустил изумруд в мешочек и отложил в сторону.

– Могу взглянуть на следующую вашу драгоценность, миледи?

Герцогиня протянула ему второй мешочек. Кунц открыл его и замер, уставившись на поразительный образец редчайшего красного алмаза. Подлинные фантазийные¹⁸ бриллианты были такой редкостью, что насыщенность цвета ценилась у них выше чистоты. У этого камня оказалась необычная, никогда прежде не встречавшаяся Кунцу треугольная огранка, идеально передававшая глубину красного цвета.

– Это *Naranyugta*¹⁹, «Закатный алмаз», – пояснила герцогиня. – Король подарил его моему деду за храбрость, проявленную в первые дни Венгерской революции.

Кунц почти не слышал ее, разглядывая камень. За свою карьеру он видел всего несколько красных бриллиантов, и ни один из них даже близко не достигал такого размера. Приблизительно двадцать пять карат, если не больше.

Он снова поднес лупу к глазу и взгляделся вглубь камня. Полная безупречность, лишь крохотные перышки. Во всем мире не нашлось бы красного бриллианта крупнее и совершеннее этого. Прошло не одно мгновение, прежде чем к Кунцу вернулась способность говорить.

– Прекраснейший бриллиант, миледи, – сказал он.

– Благодарю вас.

Сколько он может стоить? Леди ждала. Этот камень просто нельзя упускать.

– Меня бы вполне удовлетворили сто тысяч долларов, сэр, – заявила герцогиня.

Кунц проглотил комок. Он никогда не платил столько за один камень.

– Может быть, вы согласитесь на семьдесят пять?

– Нет, благодарю вас, не соглашусь.

Кунц положил камень в мешочек и протянул Груберу.

– Мы возьмем его по вашей цене, миледи.

¹⁸ Фантазийными называются цветные бриллианты.

¹⁹ Закат (*венг.*).

Открылся еще один атласный мешочек, и появился следующий камень: темно-фиолетовый сапфир-кабошон²⁰ с астеризмом²¹, – но звезда была сдвоенной, двенадцатилучевой вместо обычной шестилучевой. Кунц с первого же взгляда определил, что камень ни в чем не уступает «Полуночной звезде» из Американского музея.

– Он из Могоу, это в Бирме, – сообщила герцогиня, пока Кунц рассматривал сапфир.

Кунц решил назвать цену прежде, чем это сделает она:

– Мы можем предложить за этот камень сорок тысяч, миледи.

– Пятьдесят, вместе с изумрудом.

– Непременно.

Оба камня вернулись в мешочки и отправились к Груберу.

Кунц обернулся к герцогине в ожидании следующего камня, но она лишь смотрела на него, сложив руки на сумочке.

– Последние два камня имеют особенную ценность. Я имею в виду... общемировую ценность.

Казалось, она пытается справиться с эмоциями.

– Понимаю, ваша светлость.

«Общемировая ценность»? Сердце Кунца учащенно забилося.

– Они неотделимы от истории моей семьи и поэтому бесконечно дороги мне. Если у вашей фирмы не хватит средств, чтобы приобрести их, я... – она помолчала, собираясь с духом, – я пойму. Не уверена, что у меня хватит сил расстаться с ними.

С этими словами она достала из сумочки еще один шелковый мешочек и передала Кунцу.

Кунц принял его очень осторожно. У «Тиффани» не хватит средств? Что она имеет в виду?

Он перевернул мешочек, и оттуда выкатился камень. Кунц замер.

Каждому ювелиру однажды попадает в руки не просто драгоценный камень, а божественный идеал. И в этот момент Кунц отчетливо понял, что, даже если ему суждено прожить еще сто лет, он никогда больше не увидит такого прекрасного бриллианта. Это было чистое совершенство.

Снова поправив лупу, он бережно, очень бережно подцепил камень ювелирным пинцетом, стараясь унять дрожь в руках, и поднес к свету. Кунц изучил его со всех сторон: перевернул короной вниз – обычный способ определить природный цвет бесцветного алмаза, – затем устремил взгляд вдоль площадки, а также осмотрел снизу, начиная от калетты²².

– Этот камень веками принадлежал нашей семье, – стала рассказывать герцогиня. – Он называется «Слеза Афины», поскольку только глаз бога способен произвести такое совершенство. Кроме этого, о камне мало что известно. Предположительно, он попал к нам из Бирмы, во время хаоса, последовавшего за падением Паганской империи²³. Говорят, тогда разграбили больше десяти тысяч буддийских храмов.

Кунц кивал, не слушая. Он опустил камень, но лишь для того, чтобы написать записку и отдать ее Груберу, который тут же выскочил из кабинета. А Кунц опять поднял бриллиант.

Камень был очень большим – хоть и не настолько, как Алмаз Тиффани, – и при этом идеальным. Абсолютно идеальный и непостижимо бесцветный, сверкающий, словно лед в самом сердце огня. Кунц понятия не имел, какой величины он был до обработки, но огранка, всегда играющая главную роль при оценке качества бриллианта, была образцово симметричной:

²⁰ Кабошон – обработанный камень, имеющий гладкую, выпуклую поверхность без граней.

²¹ Астеризм – оптический эффект, наблюдаемый у некоторых кабошенов: появление звездообразной фигуры при освещении кристалла.

²² Корона – верхняя часть камня; площадка – плоская, самая крупная грань на вершине кристалла; калетта – крохотная грань в нижней, пирамидальной части камня, параллельная площадке.

²³ Паганская империя – государство, существовавшее на территории современной Мьянмы в 1044–1287 годах.

не слишком толстый рундист²⁴, точные пропорции, придававшие камню невероятный, искрящийся блеск. Более того, бриллиант был безупречным. Полностью, совершенно безупречным: даже под лупой Кунц не нашел ни малейшего следа кристаллов, облаков, узлов или полостей. За всю свою недолгую, но очень активную карьеру Кунц не видел настолько совершенного камня.

Бриллианты весом более дюжины карат, не имеющие включений, на протяжении веков называли парагонами. И этот камень, несомненно, был парагоном. Только весом почти в сто карат.

Вернулся слегка запыхавшийся Грубер с ответом на сообщение. Кунц быстро прочитал его и повернулся к герцогине.

– Ваша светлость, – сказал он, едва не позабыв положить драгоценный камень обратно в мешочек, – позвольте мне ненадолго отлучиться. Я хочу пригласить сюда мистера Тиффани. Мы ведь можем посвятить его в вашу тайну?

– Разумеется.

Кабинет Чарльза Льюиса Тиффани располагался этажом выше, в том же северном крыле здания. Он был ненамного больше кабинета Кунца, но куда роскошнее. Тиффани сидел за столом в обычном наряде: темно-серый сюртук, черный жилет, хлопковые брюки с начесом, высокий воротничок и заколка для галстука с его любимой жемчужиной. Взглянув на Кунца, он тут же вскочил с кресла.

– Что с вами, Джордж? Вы заболели?

– Я бы хотел, чтобы вы спустились ко мне и посмотрели камень, – ответил Кунц.

Минуту спустя он и Грубер стояли за спиной Тиффани, который уселся за рабочий стол Кунца. Осмотр «Слезы Афины» затянулся надолго. Затем Кунц кратко изложил Тиффани историю герцогини и ее камней, показал жалованную грамоту и уже приобретенные камни.

Тиффани снова замолчал, нахмутив брови и слегка склонив голову набок. Наконец он поднял камень.

– Ваша светлость, «Тиффани» готова предложить за этот бриллиант триста тысяч долларов. Добавлю только, что это наибольшая сумма, какую до сих пор давали за один камень.

Герцогиня спокойно встретила его взгляд.

– Давайте отложим переговоры о конечной цене, пока вы не увидите последний камень.

– Конечно, миледи.

– Он дороже остальных и для меня, и для всей моей семьи, – начала герцогиня, обернувшись к Кунцу. – В глубине души я надеюсь, что вы не сможете его приобрести... Расставание с ним для меня почти равно смерти.

Услышав эти слова, Тиффани посмотрел на Кунца, а затем обернулся к Груберу.

– Найдите мистера Томпсона и приведите сюда. Нам скоро понадобятся его услуги.

Грубер снова ушел – на этот раз за основателем «Национального банка Чейза», до чьего офиса было рукой подать. После короткого, но натянутого молчания Тиффани прочистил горло.

– Миледи, не соблаговолите ли показать камень? Мы сгораем от нетерпения.

Герцогиня со слабой улыбкой опустила руку в сумочку.

Стоя у стены, Кунц наблюдал за тем, как его босс берет у герцогини атласный мешочек, взвешивает его в руке и открывает. Втайне Кунц радовался тому, что всем занялся хозяин фирмы. Сам он был потрясен и опустошен.

²⁴ Рундист – поясok по периметру наибольшего сечения камня, делящий его на нижнюю (павильон) и верхнюю (корона) части. Место закрепления камня в оправе.

Сначала из мешочка не появилось ничего. Тиффани осторожно постучал по нему, так, словно подталкивал пугливое животное. И тут камень, сверкнув золотистой вспышкой, выкатился из мешочка под действием собственного веса.

На мгновение Тиффани и Кунц замерли, а затем, почти в унисон, испустили невольный вздох изумления, опознав алмаз.

Разумеется, никто из них раньше не видел этот камень. Никто из ныне живущих не видел – вот уже более ста лет. Многие специалисты даже считали его мифом. И все же он лежал на столе и сиял так, словно бросал вызов самому солнцу. Насыщенный желтый свет и неповторимое оранжевое вкрапление в середине.

Дар речи первым вернулся к Кунцу.

– Это же... – начал он. – Это же *Sol Gelida*?²⁵

– В моей семье его называли «Новая Земля»²⁶. Но действительно, когда король Людовик Первый полтысячелетия назад подарил его моему предку Казимиру Пятому, он уже получил прозвище «Застывшее солнце».

В мире не сохранилось ни одного изображения этой драгоценности, однако она безошибочно узнавалась по восторженным описаниям, сделанным в прошлом.

– По очевидным причинам, – продолжала герцогиня, – этот камень был для нашей семьи самым ценным. Нам сказали, что он был добыт в Московии, а затем проделал долгий путь, пройдя через руки десятка владельцев, завоевателей, воров и убийц – из Золотой Орды в Литву.

Кунц, верный традициям, предпочитал бесцветные алмазы, но понимал, что Тиффани, с его слабостью к фантазийным бриллиантам, пленился «Застывшим солнцем». От камня исходило невероятно насыщенное и богатое желтое сияние – прекраснее, чем у Алмаза Тиффани, – а в середине виднелось облачное завихрение закатного оранжевого цвета. Камень считался полумифом, а значит, при его продаже не могло возникнуть никаких препятствий. Ко всему прочему, он был удивительно крупным: возможно, около ста шестидесяти карат. Кунц не мог заставить себя взглянуть на бриллиант через лупу – по крайней мере, в этот момент. Он был потрясен красотой и совершенством камня.

В дверь постучали, и в кабинет вошел Грубер, а за ним – главный банкир «Тиффани и компании». Мистер Томпсон кивком поприветствовал Тиффани и Кунца, затем посмотрел на аристократку в ожидании, когда их представят друг другу.

– Ее светлость, – начал Грубер, – герцогиня Индра... Извра... Иглабронз...

– Иновроцлавская, – поправил Кунц и свирепо глянул на помощника.

Герцогиня снисходительно рассмеялась.

– Ничего страшного. «Иглабронз» вполне подходит. Думаю, мне так и надо представляться в Америке: «Герцогиня Иглабронз». Произносить мой полный титул слишком сложно.

Полчаса спустя, согласившись получить миллион долларов за «Застывшее солнце», герцогиня Иглабронз вышла из здания «Тиффани». Драгоценности теперь лежали в надежном хранилище компании, а аккредитив на впечатляющую сумму – в ее сумочке.

²⁵ Застывшее солнце (*лат.*).

²⁶ В оригинале *Novotney Terra*. Камень с таким же названием упоминается в раннем произведении о докторе Ленге «Кабинет диковин», однако там речь идет об алмазе зеленого цвета.

7

Фитцхью Эрнест Мозли, помощник врача, спускался по широкой лестнице лечебницы на острове Блэквелла, осторожно ступая по жирным, скользким от мочи ступеням. Была половина четвертого, и уборочная команда, составленная из пациентов, появится не раньше чем через полчаса. Мозли закончил обход, ограничившись, к счастью, теми больными, которых в лечебнице причисляли ко второму классу, – с обычными диагнозами «идиотия» и «дебилизм». Куда больше он опасался еженедельного визита к пациентам пятого класса, предстоявшего на следующий день. Те считались смирными, но «подверженными дурным привычкам», таким как членовредительство, мастурбация и нездоровый интерес к собственным фекалиям. Доктор находил, что эти случаи – самые сложные, что «пятиклассники» доставляют даже больше хлопот, чем буйные, крикливые создания, причисленные к первому классу. Все медицинские книги утверждали, что они неизлечимы, и предписывали ванны с ледяной водой, слабительное и ограничение подвижности. Но долгие годы наблюдений привели Мозли к другому выводу: если уделять больше времени беседам и заботе о пациентах, вместо того чтобы опускать их в холодную воду и закутывать в смиренные рубашки, это даст многообещающие результаты. Однако главный врач решительно отвергал все его попытки что-то изменить. Мозли настаивал, и ему недвусмысленно напоминали, что он не окончил медицинскую школу и не получил диплом врача, а потому его мнение не имеет веса, зато у него есть четко очерченный круг обязанностей, которые следует выполнять без вопросов и возражений.

Он спускался все ниже, крики и плач постепенно стихали, а у подножия восьмиугольной башни наступили мир и спокойствие. Благодаря сильному северному ветру развеялась даже вонь от выгребной ямы.

Пробравшись сквозь лабиринт коридоров, он вышел под холодный свет вечернего солнца, огляделся, вдохнул свежего воздуха и сбросил с себя пелену угнетения и страдания, накрывшую его во время обхода.

«Лечение» душевнобольных с самого начала вызывало у него отвращение, а с годами превратилось в душевную муку, и он из последних сил сопротивлялся манящему забвению лауданума. Эта пагубная привычка, приобретенная еще в медицинской школе, и стала главной причиной, по которой он не закончил обучение.

Взглянув в сторону города, Мозли заметил у причала для важных гостей частную яхту. Он присмотрелся к пассажирам: небольшая компания мужчин и женщин в дорогой одежде, с тросточками и зонтами, приплывших ради вечернего развлечения – навестить сумасшедших. Ничуть не лучше человеческого зоопарка. Их наверняка отведут в третью палату, где содержали подходящих для таких случаев пациентов и тщательно поддерживали чистоту и спокойствие.

Что бы сказали посетители, если бы их отвели в «ложу»?..

Подойдя к ближайшей колонке, он вымыл руки и пошел по дорожке на юг, к работному дому, мимо больших и маленьких пристроек. Справа простирался Ист-Ривер, темный, широкий, за ним поднимались жилые кварталы Манхэттена. Там, в районе Пятой авеню, все еще преобладали частные дома и фешенебельные особняки.

Ближе к работному дому начали попадаться трудовые бригады из заключенных: одни прибирались в конюшни, другие шили обувь, третьи приводили в порядок дороги и тропинки. Когда помощник врача проходил мимо, они поднимали голову.

– О, добрый вечер, доктор Мозли! – сказал дежурный санитар, которого он когда-то отчитал за то, что этот заносчивый парень ударил заключенную.

Мозли двинулся дальше, не обращая внимания на смешки. Он давно привык к этому. То обстоятельство, что он не окончил медицинскую школу, каким-то образом ставило его ниже

обычного помощника врача. Даже некоторые сестры милосердия имели наглость давать ему советы.

Над ним навис мрачный каменный фасад рабочего дома. Ужин для сотрудников подавали не раньше шести, но Мозли старался появляться там как можно реже. Правда, в этот день он пропустил завтрак. Но у него оставалось еще пятнадцать минут, чтобы прихватить из кухни булочку, прежде чем пароход Департамента благотворительных и исправительных учреждений отчалит от пристани. Мозли шагнул в холодную темноту здания, прошел мимо поста охраны и спустился по лестнице в подвальную кухню.

Проходя по сырому коридору, он услышал впереди знакомый голос – грубиян Пэдди, старший повар, опять разразился бурей проклятий. Мозли завернул за угол, оказался в кухне и стал свидетелем неприятной сцены: Пэдди, тянувший на добрые триста фунтов, навис над мальчишкой с соломенными волосами, который был вчетверо меньше его. На подносе в руках мальчишки еле держались горшочки с тушеным мясом.

– Ты опять за свое, да? – прорычал Пэдди, ухватил мальчишку за воротник и яростно встряхнул. Поднос упал на пол под звон разбитой посуды.

Мозли мгновенно понял, в чем дело. Он узнал мальчишку – тихого, замкнутого, раненого парня, который никак не желал подчиняться здешним порядкам, за что уже не раз попадал в переделки. Пэдди, известный тем, что уменьшал и без того скудные порции, поймал парнишку, когда тот пытался тайком пронести больше еды для себя и товарищей.

– Играешь в Санта-Клауса за моей спиной, да? – наседал Пэдди, подняв мальчишку в воздух одной рукой. – Раз так, и я сделаю тебе подарок к празднику.

Он размахнулся другой рукой и ударил парня прямо в лицо. Тот полетел через всю кухню и повалился на жесткий пол.

– И на ужин тоже получишь оплеуху!

Пэдди вразвалочку направился к распростертому на полу мальчишке. Мозли инстинктивно преградил ему путь.

– Хватит! – рассерженно проговорил Мозли. – Займитесь работой!

– А ты кто такой, чтобы мне указывать? – выкрикнул Пэдди и снова занес кулак.

– Говорю вам, хватит! Отойдите отсюда!

– Что здесь творится? – послышался чей-то вопрос.

Мозли обернулся, и у него упало сердце. Это был Кроппер, смотритель рабочего дома.

– Так что здесь творится? – повторил Кроппер и зашел в кухню.

Кабинет смотрителя находился дальше по коридору, и шум, вероятно, потревожил его. Мозли показал на повара:

– Он набросился на мальчишку без всякой причины.

– Неправда! – возмутился Пэдди. – От этого мерзавца одни неприятности! Посмотрите, он нарочно уронил на пол целый поднос с моим лучшим рагу, просто чтобы позлить меня!

Кроппер посмотрел на мерзкое студенистое рагу, растекшееся по грязному полу, потом на полуоглушенного мальчишку, пытавшегося сесть.

– Одни неприятности, значит? Ну ничего, я поговорю с новым начальником исправительного дома. Я слышал, к концу недели у них освобождается койка. Посмотрим, много ли неприятностей он сумеет причинить, сидя за решеткой.

– Ему туда нельзя! – воскликнул Мозли: возмущенный, он позабыл о благоразумии. – Парнишку всего месяц назад перевели из Октагона. Заключение погубит его!

– Пэдди, возвращайтесь к своей плите, – распорядился Кроппер, а сам подошел ближе к Мозли. – А ты, кормилица хренова, подумай лучше о своих обязанностях, если не хочешь, чтобы я попросил главного врача урезать твое жалованье. Значит, ему нельзя в исправительный дом? Можно, вот увидишь.

Мозли открыл было рот, но сообразил, что ничего не изменит своими возражениями. Он повернулся к лежавшему на полу мальчишке.

– Ступай своей дорогой, – прикрикнул на него Кроппер.

Тут уже Мозли настоял на своем.

– Нужно проверить, нет ли у него повреждений.

– Да неужели? – Удивившись этому маленькому бунту, Кроппер вдруг прищурился. – Ты что, опять обкурился?

Он схватил керосиновую лампу и поднес к лицу помощника врача, проверяя зрачки. Мозли зажмурился, но не отвел взгляд. Мгновение спустя Кроппер повесил лампу обратно на крючок.

– Только быстро, – сказал он и вышел из кухни.

Мозли опустился на колени, помог мальчику сесть, быстро и умело ощупал руки, ноги и голову, проверил, нет ли переломов или сотрясения. Затем взглянул в лицо. Под глазом уже расплылся жуткий черный синяк. Мозли осторожно потрогал глазницу, затем само яблоко – к счастью, серьезных повреждений не было.

– Все будет в порядке, – сказал он тихо, чтобы не услышал повар. Потом взял с соседнего стола две недожаренные булочки с сырым тестом и засунул мальчику в карманы. – Поднимайся наверх. Ночью старайся держать голову повыше – так опухоль пройдет быстрее.

Мозли помог ему встать на ноги и проследил за тем, чтобы он благополучно вышел из кухни. Удивительно, что мальчишка за все это время так ничего и не сказал, словно немой.

Помощник врача прихватил булочку для себя и двинулся к выходу. На паром было уже не успеть, но Отто, решил Мозли, не будет возражать, если он заглянет чуть позже.

– Вот уж действительно кормилица хренова! – оскалился в усмешке Пэddie, когда он проходил мимо.

8

Мозли сидел в «Погребке» на Сент-Маркс-плейс, на своем привычном месте, в убогой кабинке у лестницы, что вела к выходу. Слева, там, где стена встречалась с потолочными балками, притулилось единственное окно, вровень с мостовой, конскими копытами и сломанными овощными ящиками. Харчевня была освещена мерцающей газовой лампой. Справа, у длинной стойки, липкой от пролитого пива, толпились случайные вечерние посетители. Дальше, в кабинках и за столами, постоянные клиенты – торговцы, матросы, солдаты, грузчики – пили, смеялись, громко разговаривали. От сигарного дыма и запаха дрожжей в подвале было не продохнуть.

К Мозли подошла Хильда, жена владельца «Погребка» Отто, подлила в стакан бренди и забрала пустую тарелку.

– Der Eintopf schmeckt sehr lecker, danke²⁷, – сказал он.

Хильда пожала плечами в ответ на комплимент и вернулась к стойке, толстая, как пивная бочка, и чуть ли не вдвое тяжелее, чем та.

Мозли зарабатывал немного, но договорился с Отто насчет отдельной кабинки с таким же ужином, как у самого хозяина. В «Погребке» было куда теплее, чем в меблированной комнате на Третьей авеню, и Отто не возражал, если Мозли оставался в кабинке и читал там до самого закрытия. Кабинку возле лестницы Мозли выбрал специально. Хотя по здешним меркам «Погребок» был довольно тихим заведением, потасовки в нем вспыхивали с завидным постоянством.

Район располагался в двух милях ходьбы от парома на остров Блэквелла, однако жилье в нем устраивало Мозли по цене, и тут было гораздо безопаснее, чем в квартале дешевых домов дальше к югу. За несколько десятилетий до того здесь жили богатеи, строившие дворцы вдоль Второй авеню и Альбион-плейс, но теперь они снова переселились на север, оставив вместо себя ряды особняков и многоквартирные доходные дома. Это был самый густонаселенный, но спокойный район города, а покой Мозли ценил превыше всего, поскольку работал в очень шумном месте.

Он осушил вторую ежевечернюю порцию бренди. Едва пригодный для питья спирт обжег желудок, но этого хватило, чтобы заглушить другую, еще более коварную жажду. Мозли машинально придвинул к себе потрепанный том *Corpus Hippocraticum*²⁸, чтобы дочитать статью об образовании камней в мочевом пузыре, но никак не мог сосредоточиться и в конце концов положил книгу в карман плаща.

«Вот уж действительно кормилица хренова!»

Ему никогда не окончить медицинскую школу, никогда не стать врачом. Притворяться, что продолжаешь учиться, глупо – ты не обманешь никого, кроме самого себя. На самом деле медицина не очень интересовала Мозли, его куда больше привлекало изучение искусства и архитектуры. И вот теперь он принят на должность помощника врача, но выполняет работу, достойную разве что ярмарочного предсказателя... и получает соответственно. Мозли уже тридцать пять, и жизнь его с удручающей неизменностью протекает по суточному кругу, который еще быстрее приближает к старости.

Кто-то подсел в кабинку с другой стороны стола, прервав его мрачные размышления. Мозли давно привык к этому. Его право на отдельную кабинку зависело от того, сколько посетителей набиралось в пивной, а в этот день она едва не лопалась от клиентов. На Ист-Ривер пришвартовался какой-то корабль, и матросы, два десятка, если не больше, заявили в

²⁷ Айнтопф очень вкусный, спасибо (нем.). *Айнтопф* – густой суп, первое и второе блюдо одновременно.

²⁸ «Гиппократов сборник» (лат.) – сборник сочинений древнегреческих врачей.

«Погребок» уже пьяными и наполнили задымленную харчевню хриплыми выкриками и руганью: «Это моя кружка, остолоп!», «Боже правый, у тебя с головой совсем беда?»

Мозли посмотрел на новоприбывшего, в основном из желания убедиться, что он не представляет опасности. Несмотря на теплый бушлат и чуть великоватую, но по-щегоольски сдвинутую на затылок шляпу, тот казался почти мальчишкой. Сосед по столику бросил на него ответный взгляд. Мозли поразились не только необычному цвету глаз, но и их выражению: таинственному, но не заинтересованному, будто юноша знал, чем все закончится. Он прикоснулся пальцами к краю испачканной шляпы, и Мозли в свою очередь кивнул. Соседство этого худощавого, приятного на вид юноши обещало, что вечер будет мирным, насколько позволяла обстановка.

Но не прошло и минуты, как он убедился в поспешности своих выводов: кабинка затрещала под весом еще одного соседа, хрипло пожелавшего Мозли доброго вечера. Этот человек, очевидно знакомец юноши, выглядел совсем иначе. Типичный черный ирландец²⁹ с румяной кожей, да еще и с коркским акцентом. Он казался грузным, но Мозли даже не потребовались собственные анатомические познания, чтобы понять: это тело сложено сплошь из мышц, а не из жира.

Здоровяк попросил у подошедшей Хильды пинту лучшего пива, его молодой спутник жестом заказал то же самое. На мгновение буйство в пивной затихло. Новые соседи молча посмотрели на Мозли, и помощник врача задумался, не стоит ли в таких обстоятельствах уйти домой чуть раньше. Но тут Хильда с громким стуком поставила на стол пивные кружки, а юноша наклонился вперед и заговорил:

– Мне нужна ваша помощь. Но прежде, чем пуститься в объяснения, я хочу, чтобы вы пообещали выслушать меня до конца.

Мозли удивило и даже встревожило то, что его зачем-то выслеживали. Из-за шума он с трудом разбирал слова, но мгновенно понял, что собеседник с его спокойным, высоким голосом не просто образован, но и отменно воспитан. Мозли прикинул свои шансы. Если он решится уйти, грузный ирландец может его удержать. И, откровенно говоря, ему было интересно, зачем эти двое взяли на себя труд разыскать его.

Он кивнул, принимая условие.

– Благодарю вас, – пришел ответ. – Мне необходимо ваше содействие для освобождения одного человека с острова Блэквелла. Это мальчик, оказавшийся в заключении, хотя он ни в чем не повинен и не сделал ничего дурного. У меня нет доказательств, но я могу представить две-три рекомендации, свидетельствующие о его добром нраве. Вам лучше других известно, как много невиновных попадает в эту геенну и как часто незначительный срок оборачивается длительным заключением... или смертным приговором. Мальчик чист, как заготовка для чеканки монеты. Но к тому же восприимчив, и к концу срока тюрьма может наложить клеймо на всю его дальнейшую жизнь.

Мозли слушал, и с каждым новым словом его недоверие и подозрительность возрастали. Вдруг агенты Пинкертона задумали очередную аферу? Возможно, их нанял какой-то богач, угодивший на остров Блэквелла? Нет, это маловероятно – туда отправляют только бедных людей. Богачей же держат в Манхэттенской следственной тюрьме, известной как «Гробница». А еще чаще оправдывают за немалое вознаграждение.

– Почему вы обратились с просьбой именно ко мне? – отважился спросить Мозли.

– Потому что у вас, мистер Мозли, есть знания и возможности... А еще доброе сердце, чтобы исправить несправедливость. Надеюсь, что предлагаемая вам изрядная сумма также не останется неоцененной.

²⁹ *Черный ирландец* – термин, которым в Америке и некоторых других странах называют людей ирландского происхождения с темными глазами, волосами и смуглой кожей.

Мозли остолбенел, услышав свое имя, и уже хотел отказаться, но тут же испытал еще большее изумление. Ирландец уже разделался с пинтой и крикнул, чтобы принесли вторую, но молодой спутник подтолкнул к нему свою нетронутую кружку. Мозли краем глаза заметил тонкое, изящное запястье без единого следа волос, прежде чем рука опять скрылась под рукавом бушлата.

Помощник врача взгляделся в лицо говорившего – красивое, с правильными чертами. У мужчины зрелого возраста не может быть таких хрупких костей и такой гладкой кожи.

– Так вы... девушка!

Ирландец мгновенно вцепился железной хваткой в руку Мозли.

– Все в порядке, мистер Мёрфи, – сказала девушка здоровяку. – С этого момента наш друг будет внимательно следить за выражением лица и голосом.

Хватка ослабла. Мозли высвободил руку и рассеянно потер запястье, испытывая немалое смущение.

– Успокойтесь, мистер Мозли, – обратилась она к нему. – Я действительно женщина, но это ничего не меняет в нашей сделке. Я всего лишь хочу поговорить с вами, не привлекая внимания.

В этом был определенный смысл. Ни одна женщина, даже вертихвостка, не переступит порог такого заведения, как «Погребок».

Девушка достала из бушлата кожаный мешочек с крепкой шнуровкой и опустила на стол. Мешочек негромко звякнул, ударившись о доски.

– Мистер Мёрфи, – проговорила она сквозь шум, – не могли бы вы открыть это и показать содержимое нашему другу?

Здоровяк поддел мешочек пятерней, развязал его и наклонил в сторону Мозли. Внутри лежали по меньшей мере полдюжины двадцатидолларовых «двойных орлов»³⁰.

Женщина взяла мешочек, опустила в него руку в перчатке и достала одну монету. Потом положила мешочек в карман и вытянула руку в сторону Мозли, ладонью к стене – подальше от любопытных глаз.

Мозли долго смотрел на монету как замороженный, пока наконец не отвел взгляд.

– Это вам, – сказала женщина. – Пожалуйста, возьмите.

Он взял монету и положил в карман.

– Какой он, этот мальчик?

– Учитывая ваше положение, вы должны его знать. Двенадцать лет, малорослый для своего возраста. Числится в документах как Джо Грин. У него светлые волосы и рано развившаяся катаракта с помутнением левого глаза – результат врожденной краснухи. О, я вижу, вы с ним знакомы!

Мозли кивнул:

– Да, я знаю этого мальчика.

Левый глаз с помутнением, о котором она говорила, сейчас посинел, распух и, несомненно, очень болит.

– Вот что вы должны сделать. Попроситесь работать в ночную смену, а когда все затихнет, впустите нас в Октагон и покажите его койку. После мы вас отблагодарим. – Она указала на карман с кожаным мешочком. – Мы дадим вам время уйти и подготовить алиби по вашему выбору. А потом скроемся сами, вместе с мальчиком.

Женщина говорила об этом с такой легкостью, как будто собиралась искупаться на Кони-Айленд.

– Вас заметят, – сказал Мозли. – Как только вы войдете.

– Не заметят, это я беру на себя.

³⁰ «Двойной орел» – золотая монета США в 20 долларов, чеканившаяся в 1849–1933 годах.

– А как вы намерены попасть на остров, а потом выбраться с него, никого не потревожив?
– Это тоже моя забота. Выберите вечер, и мы встретимся в назначенном месте, в указанное вами время.

Судя по уверенному тону женщины, она знала остров не понаслышке.

– Есть одна сложность, – заметил Мозли. – Мальчик больше не живет в Октагоне. Теперь его держат в работном доме и скоро переведут в исправительный.

В первый раз за время разговора в глазах молодой женщины промелькнули эмоции – удивление, озабоченность?

– Когда?

– Сначала должна освободиться камера. Дня через три-четыре.

– Как вы узнали?

Инстинкт самосохранения помешал Мозли признаться, что в ожидающей освобождения камере сейчас проводят своего рода санитарную обработку, поскольку ее последний обитатель умер от оспы.

Он крепко сжал «двойного орла», словно желал убедиться, что все это происходит на самом деле.

– Я... э-э... получил копию расписания.

– У работного дома три этажа, правильно?

– Правильно.

– На каком этаже живет мальчик?

– На первом.

– Там самые маленькие камеры.

– Да.

Женщина помолчала, вероятно собираясь с мыслями.

– Я рассчитывала дать вам несколько дней, чтобы обдумать мое предложение. Но события развиваются так, что нам нужно поторопиться. У вас есть ключи?

– От Октагона – да. Возможно, я смогу достать общий ключ от работного дома, но только на время. Раздобыть ключи от исправительного дома невозможно... по крайней мере для меня.

Женщина наклонила голову:

– Очень хорошо. Встретимся еще раз завтра, у вас дома. Чтобы обсудить план подробно. Мозли беззвучно зашевелил челюстью.

– Я не смогу принести с собой ключ от работного дома, когда вы начнете осуществлять свой план. Меня обыщут.

– А принести ключ на нашу завтрашнюю встречу?

Мозли кивнул.

– Тогда мы сделаем слепок, а вы вернете его на место следующим вечером, еще до того, как произойдет побег. Все будет выглядеть так, точно этим ключом не пользовались для... освобождения. Значит, завтра вечером? В полночь?

– Завтра вечером, – услышал Мозли собственный голос. – Да, да.

– Монета останется у вас, каким бы ни было ваше решение, но я уверена, что вы сделаете единственно возможный для честного человека выбор и окажете нам помощь... Тогда мы сможем продолжить разговор и доработать план освобождения мальчика следующим вечером – пока его не перевели. У нас ведь все получится, да, мистер Мозли?

Подбодренный твердостью золотой монеты в кулаке и напуганный соседством ирландца, Мозли опять закивал.

– Я попрошу вас еще об одном одолжении.

– Да?

– Насколько я понимаю, вы имеете слабость к чжуй лон – «погоне за драконом»³¹. Пообещайте мне воздержаться от лауданума, пока мы не спасем мальчика.

Мозли перевел взгляд со странной женщины на ее спутника и обратно. Они дали ему половину годового жалования просто так, без всяких условий... И посулили еще больше.

Он снова кивнул.

– Прекрасно. В таком случае до завтра.

Она еще раз прикоснулась к шляпе, а затем новые знакомые Мозли вышли из кабинки, поднялись по лестнице и растворились в темноте... оставив после себя лишь две пустые пинтовые кружки в доказательство того, что события прошлых двадцати минут не были плодом его воображения.

³¹ *Погоня за драконом* – вдыхание нагретых паров наркотика через трубочку из алюминиевой фольги, а также в широком смысле любой прием наркотика.

9

21 мая, воскресенье. Наше время

Специальный агент Армстронг Колдмун шел по коридору второго этажа того, что еще десять дней назад называлось «Чандлер-хаус». Теперь это была скорее свалка. Поврежденное здание окружали краны, металлические леса и подпорки, два верхних этажа на время восстановления прикрыли навесом. Даже сейчас Колдмун слышал шелчки строительных пистолетов и ощущал вибрацию укладываемых на место участков крыши. Весь город приводили в порядок. Семь дней в неделю, по двадцать четыре часа.

Скучно освещенный коридор был пустым. Не считая минимально необходимого персонала, угнездившегося в дальнем конце первого этажа, отель совсем обезлюдел. За исключением одного, самого необычного постояльца – специального агента Пендергаста, наотрез отказавшегося покидать его.

Колдмун не так уж долго был знаком с Пендергастом – господи, неужто прошло всего три месяца с момента их первой встречи? Но после трех дел, над которыми они работали вместе, Колдмун начал понимать этого загадочного, крайне замкнутого человека лучше, чем кто-либо еще. И знал, какую глубокую душевную рану получил Пендергаст, когда его молодая спутница Констанс сбежала с помощью прибора, забросившего ее в прошлое. Слово «спутница» не вполне точно описывало их отношения. По правде сказать, Колдмун понятия не имел, что на самом деле связывало этих двоих. «Подопечная» – удобная формулировка и не более того. Между ними существовало нечто большее, чем предусматривала замысловатая юридическая норма. Колдмун прочел прощальную записку Констанс, которая скорее запутывала дело еще сильнее, чем объясняла что-нибудь. Все же из нее можно было понять, почему Пендергаст выглядел таким опустошенным.

Прямо перед Колдмуном стоял у стены деревянный шейкеровский³² стул с плетеным джутовым сиденьем. За последние пять дней агент уже успел проверить, насколько он удобен, проводя на нем каждый вечер.

Колдмун поднял стул, передвинул к двери с номером 222 и сел со звуком, больше похожим на стон, чем на вздох.

– Эй, Пендергаст! – позвал он, прочистив горло. – Алоизий! Это снова я, Колдмун.

Он поклялся себе не трогать ручку двери, но все равно не удержался. Заперто, как обычно.

– Пендергаст, – сказал он закрытой двери. – Думаю, вам следует знать, что я посадил доктора Куинси в автобус, отъезжающий на Запад. Прямо сегодня утром. Он продолжал спрашивать о вас даже из салона. Я ничего не сказал. Но мне кажется, что вы должны хотя бы позволить ему. А еще должны мне пару сотен баксов за пиво, которое старик впитывал, как губка.

Ответом была обычная тишина.

– Послушайте, – продолжил он минуту спустя. – Я знаю, что уже говорил все это. Но я действительно так считаю. Нельзя же оставаться там вечно. Понимаю, как вы переживаете... то есть я не могу встать на ваше место, но... Черт возьми, глупо коптиться там, как... как картофель в банке с углями из гледичии. Хотя бы поговорите со мной. Понимаете, мне станет легче, если я... услышу голос напарника.

Колдмун замолчал, ожидая ответа, но из-за двери не донеслось ни звука. Шум на крыше тоже затих, строители ушли на обеденный перерыв.

Он глубоко вздохнул:

³² *Шейкеры* – религиозная секта в США, члены которой создали новый стиль мебели, отличающейся простотой и практичностью.

– Кстати, о Западе. Понимаете, вчера вечером мне опять звонили из денверского отделения. Ответственный агент Дудек. Он давил на меня, и в конце концов пришлось сказать, что я не могу взяться ни за одно дело до тех пор...

Дверь отворилась с такой внезапностью, что Колдмун чуть не упал со стула. На пороге стоял агент Пендергаст. Колдмун вскочил, удивленно моргая. Это был вовсе не подавленный человек в мятой рубашке, со взъерошенными волосами и недельной щетиной, которого рисовало его воображение. Пендергаст выглядел так же безупречно, как и в первые дни их знакомства. Неизменный черный костюм, белая рубашка и элегантный, неброский галстук – на этот раз от «Эрмес». Колдмун ни разу не видел, чтобы напарник носил один и тот же галстук два дня подряд. Все свежее, будто только что снято с манекена. Бледное, холодное лицо казалось высеченным из мрамора. Все эти подробности Колдмун отмечал машинально, одну за другой, испытывая в равной мере облегчение и удивление.

– Проходите, агент Колдмун, – сказал Пендергаст с легкой хрипотцой, словно до того долго молчал. При этом он говорил спокойно, с мягким, как патока в темном роме, акцентом. – Присаживайтесь.

Он указал на ряд стульев в гостиной.

Колдмун воспользовался моментом и осмотрелся. Номер был чистым и аккуратным, как с иголочки. За открытой дверью в спальню виднелась застеленная кровать. Интересно, кто об этом позаботился? А вот дверь в спальню Констанс, наоборот, была закрыта.

Пендергаст сел напротив Колдмуна. Его осторожные движения напоминали о недавних ранах, но в них не чувствовалось ни боли, ни слабости. К большому облегчению Колдмуна, он выглядел почти полностью оправившимся от жестокой потери крови. А его истинное душевное состояние таилось в глубине льдисто-голубых глаз... Но проникнуть туда Колдмун даже не надеялся.

– Хочу извиниться за свое недостойное поведение, – сказал Пендергаст. – Ему нет никакого оправдания.

– Не берите в голову, – ответил Колдмун. – И не нужно ничего объяснять. Я просто хочу вам помочь.

– Вы не можете мне помочь, – отрезал Пендергаст.

– Хоть чем-нибудь.

– Ну что ж, замечательно. В таком случае возьмите, пожалуйста, телефон и позвоните еще раз ответственному агенту Дудеку.

Колдмун нахмурился:

– Не уверен, что...

– Просто позвоните ему, если вас не затруднит. Можете сказать, что будете на месте сегодня вечером.

Колдмун хотел было возразить, но по выражению лица Пендергаста понял, что это бесполезно. Он достал телефон и позвонил – под пристальным взглядом старшего агента. И только после звонка до него дошло, почему Пендергаст открыл дверь. Он ведь сам признался, что фактически поставил под угрозу свое новое назначение.

– Вам скоро надо уходить, – заметил Пендергаст, вставая. – Но уверен, что у нас еще есть время выпить. Что бы вы хотели?

Колдмун взглянул на часы: четверть первого. Бесполезно спрашивать Пендергаста, есть ли у него пиво. Он пробежался глазами по ряду бутылок на полке.

– Мм, чуточку сухого вермута, пожалуйста. Со льдом.

– Очень хорошо.

Пендергаст подошел к сервировочному столику, плеснул в стакан немного вермута и добавил льда. Потом взял высокий бокал и налил в него изрядное количество водки «Бельведер». Следом пошли лед, итальянская газированная вода с фруктовым вкусом и мерный ста-

канчик маслянистой пурпурной жидкости из большой бутылки, похожей на лекарственную. Наконец он опустил в бокал стеклянную палочку для размешивания и вернулся. Колдмун еще внимательнее приглядывался к нему. Пендергаст двигался не совсем уверенно, но все же не пролил ни капли.

Он снова сел, протянул руку к маленькой жестяной коробочке, взял пастилку со вкусом черной смородины, опустил в бокал и медленно размешал коктейль стеклянной палочкой, после чего поднес к губам.

– Мудреная штука, – сказал Колдмун.

Сделав глоток, Пендергаст поднял брови.

– Простите?

– То, что вы пьете.

– Это? Любимое снадобье моего друга из Французского квартала в Новом Орлеане. Увы, уже покойного.

Пендергаст снова поднял бокал и пригубил.

– Есть еще одна вещь, которую вы должны сделать, чтобы помочь мне, – продолжил он.

Колдмун подался вперед:

– Все, что угодно.

– Прошу вас, выслушайте меня не перебивая и постарайтесь умерить свое недоверие. Я мог бы предупредить вас, что ни одна живая душа не должна узнать о нашем разговоре... Но это необязательно, вам все равно никто не поверит.

Колдмун задумался, затем кивнул:

– Хорошо.

10

Пендергаст надолго замолчал, и Колдмун уже решил, что он задремал под действием содержащего опиат напитка. Наконец Пендергаст заговорил:

– Я знаю, что вы читали оставленную Констанс записку... и, конечно, были озадачены. – (Пришла очередь Колдмуна молчать.) – Вам известно, что прибор, который мы обнаружили, раскрывая последнее дело, позволяет заглянуть в будущее – не наше, а будущее параллельного мира. Поначалу мы проникали всего на несколько минут вперед. Но после усовершенствования прибора получили возможность смотреть намного дальше... Осматривать множество параллельных вселенных, узнаваемых и странных, будущее... и прошлое. – Колдмун кивнул. Он прекрасно помнил все это. – Если вы допускаете, что прибор обладает невероятной природой, то должны допустить и то, что я сейчас расскажу... о Констанс. – Он прервал рассказ и отпил из бокала с напитком голубовато-сиреневого цвета. – Она родилась в тысяча восемьсот семьдесят первом году на Уотер-стрит в Нижнем Манхэттене. Родители умерли, когда она была совсем маленькой. Констанс, так же как ее брат и сестра, стала беспризорницей. Ее сестру Мэри, которой было тогда семнадцать лет, арестовали за приставание к мужчинам и приговорили к исправительному сроку в работном доме Файв-Пойнтс. Это был район самых отвратительных, опасных и жалких трущоб, каких Нью-Йорк не знал ни прежде, ни впоследствии. – Пендергаст наклонился вперед, словно оценивая реакцию Колдмуна. Но тот старался слушать его с непроницаемым лицом. – В тысяча восемьсот восьмидесятом году брата Констанс приговорили к заключению на острове Блэквелла. Тюрьма изменила его. Вскоре после освобождения он был убит. – Пендергаст сделал еще глоток. – Во время всех этих событий некий доктор Енох Ленг предложил работному дому свои услуги, медицинского и психиатрического свойства. Он не потребовал платы, движимый своими дьявольскими побуждениями. Доктор Ленг стремился создать эликсир, существенно продлевающий человеческую жизнь – его собственную жизнь. И выяснил, что одним из важнейших ингредиентов должен быть *sauda equina* – пучок нервов в нижней части спинного мозга человека... вырезанный у девушек.

– Господи! – вырвалось у Колдмуна.

– Работный дом исправно поставлял жертв для эксперимента. Никто не задавал лишних вопросов, девушек забирали в «санаторий», никто не интересовался, что с ними происходило потом. Кое-кого доктор Ленг отправил под нож, чтобы добыть *sauda equina*, остальные стали подопытными свинками, которым вводили полученный эликсир для проверки его действия. Последних он держал в своем особняке. К несчастью, эликсир был еще несовершенен, и кое-какие комбинации ингредиентов оказывались смертельными. Когда подопытные свинки умирали, доктор Ленг делал вскрытие, желая выяснить, что пошло не так. Старшую сестру Констанс, Мэри, взяли не как подопытную свинку, а как обладательницу необходимого ингредиента. Она попала под нож доктора Ленга вскоре после гибели брата. Это случилось в январе тысяча восемьсот восемьдесят первого года. Констанс было девять лет. – Пендергаст откинулся на спинку стула, очень медленно. – В обычных обстоятельствах Констанс, сирота и беспризорница, умерла бы от голода, холода или болезней. Но вмешалась судьба, и доктор Ленг заметил ее возле работного дома. В начале лета того же года, после смерти сестры, Констанс попала под крыло доктора Ленга – последняя девушка, которую ждала эта участь. Он ввел ей эликсир, приготовленный из части тела ее собственной сестры. И на этот раз средство подействовало. – Пендергаст потянулся к бокалу. Колдмун хранил молчание, с трудом переваривая услышанное. – Констанс стала подопечной доктора Ленга. Она выросла в его особняке. Хотя, разумеется, «выросла» – неподходящее слово, поскольку под действием эликсира ее тело взрослело так медленно, что сто лет спустя по физическому состоянию соответствовало двадцатидвухлетнему. Ленг также вкусил эликсира, а потому оставался молодым и мог продолжать научную

работу для достижения конечной цели, имевшей для него колоссальное значение... Однако нет необходимости углубляться во все это. Позже Ленг создал синтетический заменитель cauda equina, и несчастных девушек перестали приносить в жертву. Не знаю когда и как, но Констанс узнала, что сверхъестественным образом сохраняет юность благодаря принесенной в жертву сестре. Можете представить, как это повлияло на ее психику. Так или иначе, несколько лет назад доктор Ленг был убит. Освобожденная от его влияния Констанс перестала принимать эликсир. И сделалась моей подопечной.

Колдмун изумленно уставился на него:

– Но как?

– Енох Лонг – мой двоюродный прадедушка. Я унаследовал его особняк на Риверсайд-драйв и обнаружил там Констанс. Она прожила в этом доме сто лет.

– Что? – воскликнул Колдмун.

Пендергаст лишь махнул рукой.

Колдмун покачал головой. Это было невероятно... и все же хорошо соответствовало эксцентричным манерам Констанс, ее старомодным нарядам и речи. Древняя старуха в теле молодой девушки... Неудивительно, что она так много знала и говорила на разных языках. Это не укладывалось в голове.

– Об остальном вы можете догадаться сами, – продолжал Пендергаст. – Дьявольский прибор открыл калейдоскоп чередующихся миров, включая город Нью-Йорк приблизительно в тысяча восемьсот восьмидесятом году. Я сам это видел. Несомненно, видела и Констанс, когда отправилась меня спасать. – Он прижал бокал к груди. – Она поняла, что может вернуться в альтернативное прошлое и спасти брата и сестру от смерти. Мне остается только надеяться, что у нее все получится.

Пендергаст умолк. Потрясенный Колдмун осушил свой стакан, и Пендергаст налил ему еще.

– Я ни разу не физик, – сказал Колдмун, – но... так все только запутается. То есть Констанс возвращается, чтобы... – Он снова замолчал, мысленно перебирая возможные последствия. – А если она встретит саму себя?

– Непременно встретит. Однако парадокс только кажущийся. Напомню, что все это происходит в другой, параллельной вселенной, почти идентичной нашей, но не совсем. Что бы там ни случилось, оно никак не затронет нас... особенно после уничтожения прибора, открывающего ворота между мирами. Теперь дверь закрылась.

На последних словах голос Пендергаста сорвался. Ох уж эти его сложные отношения с Констанс...

«Na da ma u azan»³³, – подумал Колдмун, а вслух спросил:

– Что вы собираетесь делать?

Похоже, вопрос удивил Пендергаста.

– Я собираюсь вернуться в Нью-Йорк.

– А как же Констанс?

Пендергаст изменился в лице, отвернулся и осушил бокал.

– Констанс сделала свой выбор.

– Это правда? Она в самом деле ушла?

– Ушла туда, куда я не могу проникнуть вслед за ней. И не хочу. Дать Констанс возможность упокоить древние призраки без моего вмешательства – это все, что я могу теперь для нее сделать. Больше я ее не увижу.

Он поставил бокал на стол с резким стуком.

– Ну а вы? Просто будете жить одним днем?

³³ У меня болит голова (*лакота*).

– Одним днем? – Губы Пендергаста наконец-то скривились в призрачной усмешке. – Если бы я мог позволить себе такую роскошь! Нет, мой друг, моя боль измеряется не днями, а секундами. Даже меньше. Как у колибри.

– Простите?

Колдмун решил, что у Пендергаста помутился рассудок от выпитого. Словно прочитав его мысли, старший агент встал, подошел к барному шкафу и налил себе новый бокал.

– Много ли вам известно о колибри, Армстронг? – спросил он, снова усаживаясь на стул.

С каждой минутой разговор становился все более нелепым.

– Не очень. Они могут висеть в воздухе. А еще у них переливчатое оперение.

– Колибри постоянно страдают от голода, – сказал Пендергаст. – Они не смогли бы пережить даже одну ночь, если бы не впадали в своеобразную спячку. Вы об этом знали?

– Нет.

– Как вы только что сказали, они способны зависать в воздухе. Для этого нужен невероятный быстрый метаболизм. Их сердца бьются с частотой шестьдесят тысяч ударов в час. А крылья... – Он замолчал и поднял бокал. – Крыльями они машут сто раз в секунду. Сто раз. Чтобы обрести душевный покой, если это мне вообще суждено, нужно жить не день за днем, а мгновение за мгновением. Я живу в промежутке между взмахами крыльев колибри. Жизнь с более длительными интервалами... была бы непереносимой. – Он снова поднял бокал и сделал большой глоток. – Вы слишком задержались из-за меня. Благодарю вас, мой друг, за все оказанные любезности, большие и маленькие. Пришло время расстаться... навсегда.

Почувствовав странный комок в горле, Колдмун попытался возразить.

– Я никогда не просил о напарнике, – сказал Пендергаст. – Но сейчас, оглядываясь назад, я не мог бы пожелать лучшего, чем вы. Vale!³⁴

Нужно было сказать что-то еще, прежде чем покинуть эту темную комнату, но Колдмуну не приходило на ум ничего подходящего.

– Tókša akhé³⁵, – ответил он.

И тут, когда он собрался уходить, Пендергаст рассмеялся. Это было так не похоже на него, что Колдмун обернулся.

– В чем дело?

– Я вспомнил то, что вы сказали мне еще из-за двери. Вы сравнили меня с картофелем, коптящимся в банке с углями из гледичии.

– Правильно.

– Это новое для меня выражение. У этого картофеля какой-то особенный вкус?

– Если знать, как его приготовить, нет ничего вкуснее. Угли из гледичии дают ровно столько тепла, сколько нужно, чтобы получить хрустящий мундир, раздутый, словно кожа пекинской утки. А сам картофель становится мягким, как масло.

– Благодарю вас за эту жемчужину деревенской мудрости. Доброго пути, Армстронг.

Уже закрыв за собой дверь, Колдмун все еще слышал приглушенный смех Пендергаста – приятный, мелодичный, но бесконечно печальный, словно бы помогавший ему перескочить, сохраняя здравый рассудок, из одного крошечного промежутка времени в другой, между двумя взмахами крыльев колибри.

³⁴ Букв.: Будь здоров! (лат.) – принятая у древних римлян формула прощания.

³⁵ До встречи (лакота).

11

Зайдя в денверское отделение, Колдмун сразу уловил знакомый запах, на мгновение напомнивший о доме. Он узнал любимый аромат переваренного кофе. Вскоре, однако, выяснилось, что никакого отношения к кофе этот запах не имел: он исходил от обгоревших банок, изъятых во время рейда на логово фальшивомонетчиков и только что доставленных в хранилище вещественных доказательств.

Денвер был именно таким, каким Колдмун его запомнил: пейзажи Запада, горы вдалеке и бодрящий воздух. Отделение располагалось в длинном невысоком здании с голубоватым стеклянным фасадом – необычно, но красиво, немного похоже на мозаику. Власть не спит никогда, и Колдмун рассчитывал, что даже в воскресенье кто-нибудь станет поджидать его, чтобы помочь преодолеть бюрократические проволочки, связанные с переводом. Но, к большому удивлению Колдмуна, его направили прямо в кабинет ответственного агента Рэндалла Дудека.

Когда Колдмун вошел в кабинет, Дудек говорил по телефону. Из окон открывался вид на серовато-бурый пригород, а не на центр города. Это была уменьшенная копия кабинета заместителя директора Уолтера Пикетта, вплоть до фотографий Капитолия, мемориала Линкольна и штаб-квартиры ФБР на Пенсильвания-авеню, а также обязательных портретов президента и вице-президента.

Дудек коротко кивнул Колдмуну и развернул кресло в сторону шкафа с наградами, располагавшегося у дальней стены. Колдмун остался стоять с багажом в руках, разглядывая широкие плечи и коротко стриженную голову Дудека. Телефонный разговор продолжался еще несколько минут. Наконец Дудек попрощался, обернулся к Колдмуну, положил телефонный аппарат на полированный стол и скрестил руки на груди.

– Садитесь, агент Колдмун, – сказал он.

Колдмун подошел, поставил багаж на пол и выбрал один из трех одинаковых стульев по другую сторону стола.

– Ну вот, это случилось, – продолжил Дудек. – Возвращение блудного сына.

– Блудного сына, сэр? – переспросил Колдмун.

– Вы пренебрегали изучением Библии?

Он рассмеялся, очевидно посчитав шутку удачной.

– Я не христианин, сэр.

– Ага, понятно.

Молчание так затянулось, что Колдмун забеспокоился: не провалил ли он какой-нибудь секретный тест?

– Так или иначе, добро пожаловать. Обычно я не имею привычки знакомиться с новыми агентами прямо в момент прибытия, особенно вечером в воскресенье, но мы назначили вас на новое, стремительно развивающееся дело. Специальный агент Полонья уже в стартовом створе, если можно так выразиться. Речь идет об убийстве, которое произошло на севере, в резервации Роузбад. С этим должно разбираться южнодакотское отделение, но начальство, вероятно, решило, что нужен агент, говорящий на языке лакота.

– Спасибо, сэр, – ответил Колдмун.

Дудек придвинул к себе папку, открыл ее и пролистал.

– Не спешите благодарить. Исполняющий обязанности директора буквально пел вам дифирамбы. Вы были напарником того самого агента Пендергаста, у которого все преступники, похоже, успевают умереть еще до начала суда. Об этом парне ходит много слухов.

Колдмун ничего не ответил. Он не любил поспешных выводов, но что-то в манерах Дудека напомнило ему инструктора по строевой подготовке из академии. Такой же нетерпеливый, нетерпимый, негибкий... и к тому же болтун.

Дудек все еще просматривал папку с делом Колдмуна.

– Я знал, – добавил он, – что агент Пендергаст задерживает вас, но не подозревал, что это будет тянуться так долго. Значит, вы работали вместе с ним над двумя делами от начала до конца?

– Фактически над тремя, сэр, – ответил Колдмун. – Два во Флориде и одно в Джорджии.

Дудек хлопнул по папке ладонью.

– Что ж, судя по тому, что я слышал об этом парне, вы удачно от него отделались. Так что, эти слухи правдивы?

– Слухи? – переспросил Колдмун. Он гадал, нужно ли каждый раз добавлять «сэр», и в конце концов решил, что не стоит.

– Ну, понимаете, все эти истории о том, что он разъезжает в «роллс-ройсе», живет в... Ладно, не важно. Главное, что вы теперь здесь и без ущерба для репутации. И не только без ущерба, но, похоже, с повышением.

Дудек покачал головой. Колдмун едва не сообщил новому начальнику, что улучшением своей профессиональной репутации он обязан именно Пендергасту.

Тот поднял глаза от стола и встретился взглядом с Колдмуном.

– Вы росли в резервации Пайн-Ридж, правильно?

– Да, сэр.

– До сколько лет?

– До семнадцати.

– Часто общались с приятелями из Роузбада?

Колдмун едва ли мог назвать жителей соседней резервации своими приятелями и не совсем понимал, почему Дудек решил, что это так.

– Нет.

– Хорошо. А та прошлогодняя операция с внедрением в Филадельфии... вы были аборигеном?

Поначалу Колдмун не понял, о чем речь.

– Я был внедрен как террорист.

Дудек выпустил воздух из-за щек, словно удивляясь непонятливости Колдмуна.

– Я хотел сказать, что вы изображали человека из своего племени.

– А-а, – протянул Колдмун, потом помолчал немного и ответил: – Нет, сэр.

Дудек подтолкнул папку ближе к нему. По этому жесту трудно было понять, отпускает начальник Колдмуна или нет.

– Будет ли инструктаж по делу, сэр?

– Инструктаж? Ваша задача – выяснить, почему известный художник из племени лакота совершил самоубийство. Проще простого. Полонья проинструктирует вас по дороге. – Он посмотрел на дверь кабинета, потом снова на Колдмуна. – Я решил переговорить с вами здесь, потому что хотел поглядеть на вас.

«Как на говяжий бок?» – сказал бы Колдмун Пендергасту в ответ на такое замечание. Но почему-то решил, что Дудек это не оценит. И раз уж пошла речь об оценке, он подавил приступ сомнений относительно Полоньи. Колдмун придерживался обычая индейцев лакота: не судить о человеке, пока не пообщался с ним.

В этот момент телефон Дудека снова зазвонил, и Колдмун, взяв багаж, отправился на поиски отдела по работе с персоналом.

12

1 декабря 1880 года, суббота

Хью Мозли ждал в темноте, на маленьком выступе напротив угольного пирса Мюррей-Хилл. Его карманные часы показывали уже четверть первого, и движение на Ист-Ривер почти прекратилось. Прошлой ночью Мозли договорился встретиться со странной новой знакомой и ирландцем, которого она называла Мёрфи, в этой части острова Блэквелла, которая находилась вдали от всех построек, за каштановой рощей. Однако они запаздывали, и Мозли волновался все сильнее. Он договорился о ночной смене; это было нетрудно, учитывая те утехи, что манили сотрудников заведения с того берега реки, – но до начала работы оставалось всего сорок пять минут. Рука машинально потянулась в карман жилета за флаконом лауданума, но его там не оказалось. Мозли не посмел нарушить обещание и отказался от настойки, во всяком случае на время.

Наверное, он уже в тысячный раз задавался вопросом: кто эта молодая женщина, с которой он встретился сначала в «Погребке», а затем у себя дома? И в первый, и во второй раз она надела мужской костюм, все же не скрывавший полностью ее красоту. Несмотря на юность и хрупкое сложение, она поражала, иначе не скажешь, хладнокровием и целеустремленностью. Ее глаза искрились острым умом и решимостью. Безусловно, она была чрезвычайно богата и тратила деньги почти с полным равнодушием. Он принял бы ее за героиню готического романа, аристократку или даже переодетую принцессу... если бы не оборванец, которого она так стремилась спасти.

Скрежет лодочного кия по береговой гальке прервал его размышления. Выше по реке виднелись смутные очертания гребной шлюпки и силуэты двух людей, высаживавшихся на берег. Луна была закрыта облаками, и лодка приблизилась к берегу незамеченной. Подойдя ближе, Мозли увидел, как могучий ирландец Мёрфи вытаскивает шлюпку на берег и убирает весла. Загадочная женщина преподнесла новый сюрприз. На этот раз она была в обтягивающем трико, больше подходящем акробату или воздушному гимнасту, и черной вязаной шапочке, надвинутой на лоб. С кожаного ремня, какие обычно носят солдаты, свисали многочисленные мешочки и старинный кинжал с золоченой рукояткой. Женщина достала его из-за пояса и быстро осмотрела, но Мозли успел заметить, что это стилет. Острое как бритва лезвие слабо сверкнуло в свете луны, показавшейся на мгновение.

Следом появился Мёрфи. Судя по всему, он тоже подготовился к кровопролитию. В одной руке ирландец держал полицейскую дубинку со свинцовыми шипами, в другой – потайной фонарь. За поясом у него торчал похожий на штык клинок длиной в целый фут, известный как «арканзасская зубочистка».

– Не волнуйтесь, мистер Мозли, – произнесла женщина на удивление низким голосом. – Оружие только для убеждения.

– Точно, – подтвердил Мёрфи, с легким звоном вытащив тяжелый кинжал. – Я не собираюсь никого щекотать им без крайней необходимости.

Глядя на то, как он размахивает оружием, Мозли понял, что его почему-то больше беспокоит маленький, изящный стилет женщины. Может быть, он ошибся насчет их истинной цели? Если мальчик ни в чем не виноват, зачем готовиться к схватке? Он уже не в первый раз обдумывал такую возможность – и тоже пришел подготовленным.

– Если прольется кровь, плохи мои дела, – сказал он. – Поэтому я взял на себя смелость обзавестись вот этим. – Мозли достал из потрепанной сумки флакон – к великому своему сожалению, не с лауданумом. – Это хлороформ. Им можно обездвижить охранников.

Женщина взяла протянутую бутылочку.

– Очень любезно и предусмотрительно с вашей стороны, но этот препарат излишне опасен, – возразила она. – Хлороформ может вызвать коллапс дыхательных путей и мгновенную смерть. – Она передала флакон Мёрфи, который швырнул его в воду. – Я пришла со своей микстурой.

С этими словами женщина похлопала по одному из мешочков.

– Правда?

Она кивнула:

– Одна из разновидностей СХЭ.

– Я... понимаю.

Мозли слышал об этом препарате, с недавних пор ставшем популярным среди анестезиологов. Куда больше его удивило то, что женщине он тоже известен.

– Давайте перейдем к делу, – предложила она. – Прошлой ночью вы сказали, что к камерам быстрее и проще всего пробраться через подвальный вход южного крыла. Так мы и сделаем. – Мозли ответил кивком. – Но сначала прошу вас пересказать наш план.

– Я прихожу на работу, как обычно. Повара, капеллана и врача на острове быть не должно. Один пост охраны находится в Октагоне, другой – в бараках исправительного дома, но в южном крыле по ночам обычно остаются один-два сторожа... и еще горстка работников, которые, как я слышал, тоже уплыли на тот берег. В половине первого я открываю подвальную дверь, дальше отвлекаю смотрителя, сказав, что в северном, женском крыле что-то случилось и требуется его вмешательство. Вам останется только разобраться со сторожем на первом этаже южного блока и, возможно, еще с одним на втором или третьем этаже. Ключ, который вы изготовили по слепку, подходит ко всем камерам. Камера Джо Грина – первая справа на первом этаже. Насколько мне известно, к нему никого не подселили.

Женщина выслушала его и качнула головой:

– Очень хорошо.

Достав из другого мешочка невысокий столбик «двойных орлов», она протянула его Мозли.

– Прошу прощения, но сейчас я не могу взять, – сказал он. – Если меня поймают с ними, когда поднимется тревога...

– Ах да, конечно. Ваша доверчивость поистине восхитительна... Я предполагала, что вы закопаете их где-нибудь в укромном месте. – Женщина положила монеты обратно в мешочек. – Значит, мы отдадим их вам позже.

– Только, пожалуйста... никакого насилия.

С этими словами Мозли повернулся и скрылся в темноте, направившись на юг, к мрачному служебному зданию.

Полчаса спустя он украдкой вернул на место ключ, с которого женщина сняла слепок, а потом постарался сделать так, чтобы его присутствие заметили. К великому разочарованию Мозли, повар не уплыл с острова, как ожидалось: он храпел в своей вонючей комнате, уткнувшись лицом в стол, на котором стояла пустая бутылка джина. У Мозли упало сердце: он ненавидел этого человека всей душой, но не желал быть причастным к его смерти.

В четверть первого он начал беглый обход северного крыла, где держали женщин. Охрану здесь не выставляли, так что он надеялся и ожидал увидеть какие-нибудь беспорядки. И не ошибся: на втором этаже в дальней камере разгорелась потасовка. Одна уличная женщина обвинила другую в воровстве, и в ссору быстро втянулись все шесть обитательниц камеры. Они кричали и ругались, раздавая и принимая удары.

После не слишком настойчивой попытки остановить драку Мозли вернулся в административную часть здания между двумя флигелями. Убедившись, что его никто не видит, он юркнул в подвал и открыл наружную дверь. Затем снова взглянул на карманные часы: двадцать пять минут первого.

Он поднялся на первый этаж и постучал в дверь комнаты смотрителя.

– Да? – раздался недовольный голос.

– Это Мозли, сэр.

Послышались шаркающие шаги, и дверь открылась. Стоя на пороге с бутылкой в одной руке и стаканом в другой, Кроппер смерил Мозли угрюмым взглядом:

– Какого дьявола тебе нужно?

– Простите, что потревожил, но в северном крыле беспорядки.

– Что?

– Драка, сэр.

– Почему же ты сам все не уладил, черт бы тебя побрал?

– В драку включились другие женщины. Они взбудоражили все крыло, и я боюсь, как бы волнения не распространились дальше.

Разразившись короткой, но злобной тирадой в адрес лекаря-недоучки, у которого кишка тонка приструнить свору потаскух, смотритель надел мундир, взял дубинку и ключи и двинулся по коридору в сторону женского крыла. У входа стояло большое ведро, заменявшее ночной горшок.

– Возьми это! – распорядился смотритель, обращаясь к Мозли. – Если они не угомонятся, искупаем их как следует.

Он рассмеялся. Мозли осторожно поднял полное ведро и зашагал за смотрителем – на второй этаж, затем по коридору. Подойдя ближе, он быстро понял, что драка не утихает. Это было только к лучшему. Была уже половина первого, и он постарался увести смотрителя подальше от южного крыла. Не считая присутствия повара, все шло по плану.

И вдруг Мозли понял, что ему не объяснили, в чем же заключается план начиная с этого момента.

13

Секундная стрелка скользнула мимо высшей точки дополнительного циферблата часов «Патек Филипп», отмечая тридцать одну минуту первого. Констанс быстро захлопнула крышку, положила часы в карман и дала знак Мёрфи.

Они вышли из кустов на дорожку, вымощенную грубым булыжником, в дюжине футов от подвального входа. Над ними возвышалась черная громада рабочего дома, окутанная саваном из темных облаков. Констанс торопливо огляделась: не считая отдаленных голосов, все было тихо.

Констанс подкралась к металлической двери, проверила, открыта ли она, и снова оглянулась. Было бы лучше вымазать лицо сажей перед операцией, но Констанс опасалась предстать в таком пугающем виде перед Джо, прекрасно понимая, что освобождение из камеры – лишь первый шаг к его возвращению в цивилизованное общество и успех в этом деле зависит от его содействия.

Она посмотрела на Мёрфи:

– У вас все в порядке?

– Еще немного, и буду чистый персик... прошу прощения у вашей милости.

– Запомните, что самое важное для нас – обеспечить безопасность мальчика. – (Он кивнул.) – Второе по важности: никакого насилия без крайней необходимости.

– Никакого? – с некоторым разочарованием переспросил Мёрфи.

– Если мы оставим за собой трупы, это привлечет внимание.

Констанс достала из сумки закупоренную стеклянную бутылочку, обернутую толстой марлей, и протянула ему.

– На всякий случай. Если придется этим воспользоваться, не забудьте прислонить тело к стене так, чтобы оно было в сидячем положении. И будьте осторожны, не вдыхайте пары или, упаси господи, не разбейте флакон. Мне ни за что не дотащить вас до шлюпки.

Извозчик с усмешкой взял обернутый марлей пузырек. В нем, как Констанс уже объяснила помощнику врача, содержался состав, известный как СХЭ – смесь спирта, хлороформа и эфира. Второй флакон она оставила себе.

Констанс отошла в сторону, уступая Мёрфи право открыть дверь. За ней лежал темный коридор с отсыревшими каменными стенами. Проскользнув следом за извозчиком, Констанс закрыла дверь и опять осмотрелась. Справа поднималась лестница к южному крылу. Слева был узкий проход с тремя дверями, что вели в комнаты капеллана, врача и повара. Две первые были закрыты, сквозь щели не пробивалось ни одного лучика света. Врач и капеллан уплыли с острова, как и говорил Мозли. Но за приоткрытой третьей дверью мерцала лампа и раздавался низкий, равномерный храп.

«Проклятье!»

Подав предостерегающий сигнал извозчику, она подкралась по холодному коридору к открытой двери. Грузный мужчина в сальной поварской блузе и фартуке навалился на стол в пьяном бесчувствии.

Дело усложнялось. С охранником, даже с двумя, они бы справились, но это чудовище в человеческом облике путало все планы. Если он проснется и отправится за добавкой, то может их выдать. Драться с разъяренным пьяным здоровяком тоже не хотелось.

Констанс подобралась ближе к дверному проему, раздумывая, что можно предпринять. Потом внимательно посмотрела на саму дверь. Окованная железными полосами на заклепках, она была такой же крепкой, как и все тюремные двери. Констанс жестами объяснила свой план Мёрфи. Тот понимающе кивнул, но все равно не опустил дубинку.

Констанс совершенно неслышно шагнула в комнату, сделала еще шаг, не сводя глаз со спавшего повара, взяла ручку двери и, отступая, потянула на ее себя. Засов с едва уловимым шорохом скользнул под запорную планку. Констанс вытащила из сумочки на поясе набор отмычек, на ощупь вставила в скважину короткий крючок, за ним второй. Затем дала сигнал Мёрфи, который быстрым движением загнал клин между двух отмычек. Констанс выдернула инструменты, а извозчик, еще раз показав свою буйволиную силу, согнул и сломал клин прямо в скважине, чтобы замок невозможно было отпереть. Они подождали с минуту, повар по-прежнему храпел. Констанс подумала: открыв камеру Джо, нужно будет и там повредить замок с помощью клина, чтобы скрыть следы ключа.

Прокравшись к выходу по каменному коридору, они снова остановились у подножия лестницы, уходившей по спирали вверх, в темную пустоту. Констанс мысленно представила, что их ждет впереди. Лестница помещалась внутри северной стены южного крыла. Три лестничные площадки, одна над другой, соединенные с тремя ярусами камер. Мозли сказал, что охранник сидит в убогой будке возле первой площадки. Выйдя оттуда в центральную башню, он мог осмотреть все двери, выходившие в круговую галерею на каждом из трех этажей. С этого наблюдательного поста в «большом зале» охранник сразу заметил бы любой беспорядок. Мозли предупредил, что иногда на верхних этажах выставляют и второго охранника. И не было никакой возможности узнать заранее, когда это случится.

Еще раз удостоверившись, что никто не подозревает об их присутствии, Констанс начала подниматься по винтовой лестнице. С каждым шагом все отчетливее слышались ночные вздохи, стоны, кашель и проклятия заключенных, все сильнее ощущалась вонь от немытых тел.

Она остановилась на темной площадке первого этажа. Впереди, за узким проходом, освещенным с дальнего конца, виднелась небольшая деревянная будка, прикрепленная к стене болтами и стальными тросами. За решеткой окна висела керосиновая лампа. Констанс разглядела темный силуэт охранника. Холодный поток зловонного воздуха из коридора подсказывал, что впереди находится большое помещение, пока еще не видимое в темноте.

Внезапно прямо над ней раздался резкий сухой кашель, а вслед за ним – отвратительное, натужное отхаркивание. Констанс замерла. Это не мог быть заключенный, ведь шум доносился со стороны лестницы. Значит, в эту ночь на верхнем этаже дежурил второй охранник.

Констанс переглянулась с Мёрфи в слабом свете его фонаря. Извозчик кивком показал, что понял, как изменится их план. Он закрыл створку фонаря и повесил его на ремень, затем осторожно достал полученный от Констанс флакон, размотал марлю настолько, чтобы стала видна стеклянная пробка, и начал бесшумно подниматься по лестнице.

Вытащив из ножен стилет, Констанс двинулась следом за ним. Она не собиралась никого убивать, но, если что-то пойдет не так и их обнаружат, думала она, сгодятся любые меры, чтобы освободить Джо и вывести его из этого омерзительного места.

Пока Констанс ждала на ступенях, все ее чувства обострились. С минуту все было тихо. Затем сверху донесся слабый, оборвавшийся стон, будто кого-то ударили под дых. Прошла еще минута, и Констанс услышала царапанье, повторившееся дважды.

Это был условный сигнал: Мёрфи справился со вторым охранником и теперь поднимался на третий этаж, где располагались самые большие камеры – до двадцати четырех человек в каждой.

Настала очередь Констанс. Она спустилась на первый этаж и прокралась по коридору – черный силуэт, почти неразличимый на черном фоне. Присев на корточки под окном будки охранника, она посмотрела на часы. У нее оставалось пять минут до того момента, когда Мёрфи должен был отпереть двери камер, спровоцировав побег.

Проблема заключалась в том, что охранник удобно устроился в маленькой сторожке и не собирался из нее выходить. Нужно было как-то выманить его, не вызвав преждевременной тревоги. Констанс хотела вывести Джо из камеры, прежде чем начнутся беспорядки.

Она глубоко вдохнула, выдохнула и снова набрала полные легкие воздуха. Потом прикоснулась языком к небу, вытолкнула воздух из груди диафрагмой и в последний момент снова опустила язык, заставив воздушный поток пройти над ним. Получившийся звук очень напоминал жужжание пчелы... у дальней стены будки.

Спрятавшись в темноте под окном, Констанс повторила трюк. На этот раз охранник услышал жужжание и поднялся на ноги, со скрежетом отодвинув стул.

Отец Констанс был поэтом, шутником и мечтателем. Самой сумасбродной из его идей было переселение из Лондона в Нью-Йорк незадолго до начала Гражданской войны. Он так и не прижился в Америке, но не утратил страсти к фокусам, которым научился еще в юности, на ярмарке в Ламбете, и забавлял детей чревовещанием вплоть до своей смерти от холеры в 1877 году.

Констанс опустила подбородок, сдавив гортань, и снова вытолкнула воздух из легких. Жужжание повторилось, только теперь оно было тоном ниже, как будто шло от самой земли. На жаргоне ярмарочных фокусников это называлось «сменить верхнюю технику на нижнюю».

Озадаченный тем, откуда взялась пчела в рабочем доме холодной зимней ночью, охранник открыл окно и высунул голову. Констанс тут же прижала смоченный препаратом кусок марли к его носу и рту, а несколькими секундами позже, прислонив неподвижное тело к стене, обшарила карманы охранника.

Ключа там не оказалось. Но это не стало неожиданностью, ведь Мозли предупреждал, что ключи обычно хранятся в подвале, от греха подальше. Констанс снова проверила время: прошло три минуты. Она представила, как двумя этажами выше Мёрфи так же стоит в темном коридоре, готовый ввергнуть весь остров в невообразимый хаос.

Она добежала до «большого зала», но видела только ярусы камер. Зато ей были слышны ночные звуки, плывшие в замкнутом пространстве.

Наверху прозвучали шаги: это Мёрфи быстро зашагал к дальней камере третьего этажа, собираясь выпустить на свободу всех демонов ада. Подстегнутая его действиями, Констанс рванулась к двери камеры и вставила один из двух изготовленных ключей в замочную скважину. Со всех сторон, в том числе сверху, зазвучали голоса: сонные, удивленные, раздраженные. Она отперла замок и открыла дверь. Внутри, в полутьме, кто-то неподвижно сидел на грязном соломенном тюфяке. Неподвижно, но наострив уши: он тоже слышал чревовещательную пчелу. Ощущая, как отчаянно бьется ее сердце, Констанс шагнула к одинокому щуплому мальчику. В ядовитом воздухе повисло напряжение, точно она попала в электрическое поле, скованная его неодолимой мощью.

Мальчик вскочил на ноги и попятился, во все глаза глядя на нее. Наверху Мёрфи с металлическим лязгом отворил дальнюю камеру третьего этажа.

В тусклом свете Констанс не могла рассмотреть лицо мальчика. Она шагнула в камеру, и он снова отступил.

– Джо, я не сделаю тебе ничего плохого, – сказала она. – Я пришла забрать тебя отсюда.

Мальчик не шелухнулся. Наверху хлопнула дверь второй камеры, и Мёрфи выкрикнул:

– На выход, ребята! Разбегайтесь скорей!

Теперь проснулись заключенные всех трех ярусов. Поднялся неимоверный шум.

Констанс подошла еще ближе. Мальчик напоминал дикое животное, сжавшееся в комок, готовое убежать. Сообразив, как она выглядит в своем трико, Констанс сняла шапку и встряхнула волосами, а потом присмотрелась к мальчику.

– Кто это так тебя? – спросила Констанс, показывая на почерневший, заплывший глаз Джо.

Сначала он ничего не ответил. И вдруг...

– Это повар, – прозвучал его голос.

Голос из самых глубин памяти Констанс.

На пару мгновений она застыла, словно парализованная. По лестнице эхом прокатился топот шагов, а голоса слились в единый рев. Констанс схватила Джо за руку, крикнула: «Идем!» – и потащила его к двери в подвал, опередив толпу, что собиралась у нее за спиной.

14

Констанс мчалась вниз по лестнице, держа Джо за руку. Они уже добрались до подвальной площадки; сверху по-прежнему доносился стук железных дверей, крики и топот ног. Констанс уловила также приглушенные удары и вопли из подвального коридора: это очнувшийся повар бился в заблокированную дверь. Взглянув еще раз на синяк, расплывшийся по пепельно-бледному в свете лампы лицу Джо, Констанс на миг задумалась, не поквитаться ли с негодеем. Но времени не было. Она крепче сжала руку Джо и выскочила в ночную темноту.

Пока они сломя голову неслись по подвалу, Джо сопротивлялся и вырывался, но, выскочив наружу, уже по своей воле добежал через лужайку до лавровой рощи, где оба остановились и спрятались. Через мгновение людской поток хлынул в подвальную дверь. Кто-то ковылял в кандалах, кто-то бежал налегке, многие кричали, радуясь неожиданному избавлению.

Из Октагона раздался заунывный вой сирены. Столпившиеся возле двери заключенные с третьего этажа обезумели и принялись расталкивать друг друга, спеша вырваться на свободу.

Констанс заметила среди них Мёрфи, выпрямилась и помахала ему. Тяжело дыша, он юркнул в заросли лавра.

– Такое зрелище вовек не забудешь, – заявил он с возбужденной усмешкой. – Весь этот сброд вылетел из камер, словно осы из гнезда, если по нему поддать ногой... простите мою вольность, мэм.

Констанс обернулась к Джо:

– Это Пэдди Мёрфи. Он помогает мне забрать тебя с острова. – Она замолчала, испытывая непривычное ощущение: не находилось нужных слов. – Я понимаю, как странно это все выглядит. Но прошу тебя, доверься мне. Когда мы благополучно выберемся из этого ужасного места, я все объясню.

Джо инстинктивно съежился при появлении дюжего извозчика, но не стал сопротивляться, когда Констанс снова взяла его за руку. Все трое пробрались сквозь самую гущу лавровых зарослей, а потом понеслись к безлюдному берегу, где была спрятана лодка.

Они спешили к реке, выбирая места потемней. Джо все так же молчал. К работному дому сбегались охранники из Октагона и исправительного дома, хватая отставших заключенных. До Констанс долетали звуки борьбы, крики и проклятия. Над Октагоном продолжала выть сирена, повсюду загорались керосиновые факелы – светлячки на бархате ночи.

Они спустились с небольшого обрыва к спрятанной лодке. Заливистый лай собак добавил новую нотку в многоголосый сумбур.

– Быстрее! – сказала Констанс, обращаясь к Джо. – Вот наша лодка.

Она отпустила его руку, чтобы он смог запрыгнуть, но мальчик развернулся и побежал по берегу на север. Мёрфи с проклятием бросил весла обратно в лодку и пустился в погоню. Констанс, куда более проворная, тоже кинулась следом за Джо, но не прямо, а по дуге, стараясь отрезать его от обрыва. Быстро обогнав подрастерявшего силы и сноровку мальчика, она повернула ему навстречу.

Джо удивленно посмотрел на нее и попытался уйти вглубь острова, но Мёрфи разгадал его намерение и преградил ему дорогу. Джо остановился и затравленно огляделся. От берега в черную воду уходил подгнивший, покосившийся пирс. Мальчик рванулся к нему, перескакивая через сломанные сваи и просевшие доски, пока не очутился на самом краю причала. Здесь ему пришлось остановиться.

Констанс испугалась, что Джо прыгнет в воду. Но он этого не сделал. Она знаком велела Мёрфи не подходить ближе.

– Джо, – крикнула Констанс, стоя на другом конце разрушенного причала, – вернись! Дай мне увезти тебя отсюда. Я... твоя тетя. Я приехала, чтобы помочь Мэри и Констанс. Мне

пришлось через многое пройти, чтобы освободить тебя, в память о твоих покойных родителях. Если ты останешься здесь, то скоро погибнешь. Прошу тебя, Джо, доверься мне, пока мы не уплывем в место, где тебе не будет грозить беда. И если после этого ты захочешь покинуть меня, я не стану тебя удерживать.

Может быть, ее слова произвели впечатление на мальчишку, но он не подал вида... и ничем не показал, что признал в ней родственницу. Он оглянулся на административные здания, где уже зажглись газовые фонари. Потом повернулся обратно к воде и шагнул на крайнюю доску пирса.

– Не надо, Джо! – крикнула Констанс. – Течение очень сильное. Мне придется прыгнуть за тобой. Я ведь знаю, что ты не умеешь плавать.

Мальчик обернулся. Констанс сделала шаг прочь от причала, потом еще один. Джо медленно направился к ней по сломанным доскам. Констанс снова протянула ему руку. Он помедлил немного, а потом, с отчаянием человека, цепляющегося за последний шанс – будь что будет! – взял ее руку и крепко сжал.

Через несколько минут, меж тем как лай собак приближался, они уже сидели в лодке. А вскоре превратились в крохотную точку посреди Ист-Ривер, направляясь под покровом темноты к Манхэттену.

15

2 декабря 1880 года, воскресенье

По каменному коридору больницы Бельвью, окруженный привычными запахами хлорки, нашатыря и фекалий, шел выдающийся хирург. Он размеренно шагал мимо суетящихся сестер милосердия, санитаров, стажеров из врачебно-хирургического колледжа Колумбийского университета и подсобных рабочих. Сам хирург, занимавший почетную должность консультанта, никуда не спешил, сполна наслаждаясь атмосферой болезни и страдания.

Многие больницы и частные клиники боролись за него, но он выбрал Бельвью. Старейшее в Соединенных Штатах медицинское учреждение ввело в обиход такие прогрессивные нововведения, как санитарные нормы и регулярные прививки, но это не сыграло особой роли в его выборе. Куда важнее был размер больницы, обеспечивающий практически неограниченное разнообразие пациентов со всевозможными недугами. Хирург шагал по коридору деловито, как повар прохаживается по овощной лавке, готовый воспользоваться любой возможностью.

Долгие годы он обучался врачебному искусству в медицинских школах Гейдельберга и Оксфорда. Поначалу занимался общей медициной, но потом увлекся проблемами рассудка. Он чувствовал, что именно здесь отыщутся достойные внимания загадки, ведь больше всего его увлекала тайна безумия. В Гейдельберге он сосредоточился на диагностике и лечении душевных болезней – на том, что позже получило название «психиатрия». Особый интерес у него вызывала хирургия мозга, ослабляющая симптомы безумия, сексуальных отклонений и психозов. За время обучения и клинической практики у него сформировались свои представления о нервной системе человека, о ее взаимосвязи с душевным здоровьем и особенно с процессом старения.

В этот час он как раз направлялся в психиатрическую лечебницу Бельвью. С первого этажа спустился на несколько пролетов лестницы к железной двери. За ней, еще ниже, располагалась другая. Здесь, в подземных этажах Бельвью, запахи и шум донимали еще сильнее. Миновав комнату санитаров и пост охраны, он вошел в лучше всего защищенное отделение больницы, где обитали самые буйные и опасные пациенты.

Он свернул в другой коридор, зарешеченные двери которого мало отличались от тюремных.

– Доброе утро, доктор! – обратился к нему студент-медик. – Пришли на воскресный обход?

– Просто хочу взглянуть на результаты процедур за последнюю неделю, Норкросс. Не желаете составить мне компанию?

Зардевшись от оказанной ему чести, студент повел хирурга по коридору, временами останавливаясь возле запертых дверей, за которыми содержались закованные в цепи или связанные пациенты. Не заходя внутрь, хирург выслушивал доклад Норкросса о том, как они перенесли операцию, и об изменениях жизненно важных показателей. У двух пациентов намечалось улучшение. Одному хирург порекомендовал продолжать гидротерапию с применением ледяной воды, другому – давать микстуру из спорыньи и йодистого железа *bis in die*³⁶. Состояние третьего не изменилось, четвертый был на последнем издыхании. Хирург велел студенту, как только пациент умрет, отправить тело в колледж: в анатомических классах вечно не хватало свежих трупов.

– Вот еще что, Норкросс, – сказал хирург. – Среди вновь поступивших нет никого интересного?

³⁶ Дважды в день (лат.).

– Только один, доктор, – прозвучал ответ. – Доставлен позавчера вечером. Простите мою вольность, но боюсь, справиться с ним не по силам даже вам. – Он помолчал. – Сами послушайте, доктор.

Хирург постоял, прислушиваясь к надрывным крикам из дальнего конца коридора, приглушенным из-за толстых стен.

– Итак, Норкросс, вы подарили мне достойный внимания случай, – сказал хирург. – Мы не должны терять веру в *mens sana in corpore sano*³⁷. Прошу вас, показывайте дорогу.

Они двинулись дальше по коридору, мимо тощих, как скелеты, пациентов, скорчившихся у стены в полубессознательном состоянии или яростно вырывавшихся из смиренных рубашек. Вопли становились все громче по мере приближения к последней камере. Там буйствовал одетый в лохмотья мужчина в цепях. Двое медиков остановились поодаль от железной решетки, чтобы до них не долетали слюна, пот и кровавая мокрота.

– Поговорите с ним, – сухо попросил доктор студента.

– Прошу прощения?

– Сделайте мне одолжение.

Студент прочистил горло и задал буйному пациенту ряд вопросов, каждый из которых вызывал лишь очередной взрыв бессвязных криков.

– Благодарю вас, Норкросс, – сказал хирург, и студент отступил назад. – Каков ваш диагноз?

Норкросс заметно нервничал.

– Э-э... непрекращающийся бред, агрессивный психоз... полное ментальное отчуждение от норм общества.

Хирург слегка улыбнулся, опознав фразу из учебника.

– Общества или даже цивилизации. Ваша формулировка, Норкросс, немного отдает студенческой скамьей, но тем не менее верна. Какое лечение предлагаете?

– Я бы сказал, что пациент неизлечим.

– Может, и так, но какие хирургические процедуры вы бы рекомендовали?

Студент выдохнул с тайным облегчением.

– Лейкотомия? – предложил он с легким сомнением.

– Превосходно. Префронтальная лейкотомия...³⁸ И чем скорее мы избавим это существо от страданий, тем лучше. Договоритесь с доктором Коли, чтобы он внес операцию в расписание.

Доктор Коли, старший психиатр Бельвю, заведовал психиатрической лечебницей.

– Обязательно. Могу я предложить ему определенное время?

Хирург взглянул на карманные часы:

– Удобнее всего завтра утром. Я обедаю в час дня, так что передайте доктору Коли, что операционная и пациент должны быть готовы к половине двенадцатого.

– Да, доктор, – ответил Норкросс и нерешительно добавил: – Позвольте спросить: вы будете проводить операцию долотом?

– Нет, Норкросс, в этом случае вряд ли нужны такие хлопоты. Одно отверстие в черепе трепаном, затем зачистка и удаление поврежденных тканей... – Он на мгновение задумался и закончил: – Девятидюймовой кюреткой³⁹.

Доктор заметил, что студенту все это интересно, и его брови взлетели вверх.

– Вы хотели бы присутствовать на операции?

³⁷ В здоровом теле здоровый дух (*лат.*).

³⁸ Более известна как лоботомия. Первый известный случай проведения префронтальной лейкотомии относится к 1935 году.

³⁹ *Трепан* – хирургический инструмент, используемый для сверления кости при трепанации; *кюретка* – инструмент для удаления патологических мягких тканей из костей.

– Очень хочу, сэр.

– Превосходно!

Хирург предпочитал работать со способными студентами, а не со свежеиспеченными врачами. Студенты были податливее, лучше воспринимали новые идеи.

– Не могли бы вы обговорить детали с доктором Коли?

– Сей же миг, сэр.

– Благодарю. В таком случае я с вами прощаюсь. До завтра!

– До завтра. И спасибо вам еще раз, доктор Ленг!

Хирург благодушно махнул рукой, резко развернулся, так что плащ обвился вокруг его стройной фигуры, и зашагал обратно по коридору несколько быстрее, чем по дороге в отделение.

16

23 мая, вторник

Капитан-лейтенант Винсент д'Агоста вышел из полицейской машины на Централ-Парк-Вест и посмотрел на колонны у входа в Американский музей естественной истории. Так много воспоминаний, связанных с этим огромным зданием: хороших, плохих, жутких. Несмотря на все безумные события, что произошли там, он все еще был очарован этой громадиной.

Рядом притормозил фургон экспертной службы. Начальник бригады криминалистов Джонни Карузо выбрался наружу со своей командой. Они разгрузили оборудование и готовились тащить его в музей по ступенькам.

– Мальчишкой я очень любил это место, – сказал Карузо, подходя к д'Агосте с рюкзаком на плече. – Няня часто приводила сюда нас с сестрой и миловалась со своим бойфрендом за тотемным столбом в Индейском зале, пока мы носились без присмотра.

– А когда я был мальчишкой, – ответил д'Агоста, – меня отругал охранник за попытку забраться на слона в Африканском зале. Думаю, у каждого ньюйоркца что-нибудь да связано с этим местом.

Карузо усмехнулся:

– Это точно. А разве ты не участвовал в расследовании загадочного дела с убийством в музее примерно десять лет назад?

Д'Агоста покачал головой, не подтверждая, но и не отрицая этого.

– Теперь здесь стало спокойнее.

И то правда: спокойнее – до недавнего времени. Но, по крайней мере, это дело отличалось от череды похожих друг на друга до оторопи, угнетающе бессмысленных перестрелок, поножовщин, изнасилований и убийств, которые д'Агосте приходилось расследовать в последние несколько лет: при прежних городских властях поднялась волна преступности. Д'Агоста ощущал себя выгоревшим дотла.

Парочка автомобилей местного отдела по расследованию убийств остановилась рядом с фургоном криминалистов. Похоже, каждый рвался поучаствовать в раскрытии дела. Д'Агоста огляделся: все в сборе.

– Отлично, ребята, идем, – сказал он.

Они поднялись по ступенькам и прошли через огромные бронзовые ворота. Было два часа пополудни, в Ротонде толпились посетители. Эхо восторженных детских голосов носилось под сводом. Д'Агоста разглядел директора музея, Лоуэлла Картрайта, торопливо огибавшего хвост огромного скелета бронтозавра. Директор был высоким и тощим, как огородное пугало, и его спутникам приходилось бежать трусцой, чтобы не отстать.

– С прибытием, – шепнул д'Агоста Карузо, когда директор подошел к ним.

– Очень рад, что вы смогли приехать, – заговорил Картрайт. – Разрешите представить вам Мартина Арчера, начальника службы безопасности, и Луизу Петтини из отдела по связям с общественностью.

«Связи с общественностью, – подумал д'Агоста. – Хотя бы в этом музее не меняется. Здесь всегда были одержимы общественным мнением».

– Несчастный случай произошел в отделе млекопитающих, – сказал Арчер. – Мы пойдем прямо туда.

Д'Агоста оставил его слова без ответа. По его представлениям, голый хранитель, запертый в морозильнике, никак не мог стать жертвой несчастного случая. Он пожалел об отъезде старого приятеля, Пендергаста. Тот собрался во Флориду, ненадолго, но с тех пор прошло уже три месяца. Чего бы только не дал д'Агоста за то, чтобы загадочный, скрытный агент ФБР стоял сейчас рядом с ним. Господи, одно и то же, все время одно и то же: он уже сыт по горло!

Картрайт оглядел собравшихся.

– Вам действительно нужны все эти люди, лейтенант?

– Это стандартный регламент работы нью-йоркского отделения, – ответил д’Агоста.

Картрайт вывел криминалистов из Ротонды. Все направились к неприметной двери, за которой оказался огромный служебный лифт, с тяжеловесной медлительностью поднявший их на пятый этаж. Из него они вышли в просторное помещение с ветвищимися во все стороны коридорами. В воздухе ощущался сильный запах смерти – слишком сильный для одного мертвого хранителя. К тому же он, кажется, лежал в морозильнике.

– Дальше по коридору находится камера мацерации, – объяснил Картрайт. – Отсюда и запах.

«Камера мацерации». Д’Агоста вспомнил, что так называется место, где трупы животных превращают в скелеты, размачивая их в теплой воде, пока плоть не сойдет с костей. Чудесненько!

– А морозильная камера – в этой стороне, – добавил Картрайт.

Они повернули налево, потом направо, и д’Агоста совершенно запутался. Группа оказалась под самым карнизом музея, где крыша уходила вверх, образуя замысловатый лабиринт арок и стропил.

Наконец они подошли к серой металлической двери, футов десяти в высоту и столько же в ширину, помятой и оцарапанной за долгие годы. Все остановились возле нее, заметно нервничая.

– Тело все еще там? – спросил д’Агоста.

– Мы ничего не трогали. Он так замерз, что превратился в ледышку.

– А какая температура внутри? – поинтересовался Карузо.

– Двадцать градусов ниже нуля.

– Опля, – пробормотал Карузо. – Я забыл парку.

– Мы можем выдать вам плащи, – не переставая улыбаться, сказал директор.

Он подал знак одному из спутников. Тот открыл шкаф со старыми, засаленными плащами на одном стеллаже и такого же сомнительного вида перчатками на другом.

– У вас прекрасная коллекция ископаемых, – заметил Карузо, опасливо прикоснувшись к одному из плащей. – Но, думаю, у нас возникнут трудности, если мы попытаемся надеть их поверх комбинезонов.

Криминалисты посмотрели на д’Агосту, ожидая какого-нибудь решения. Он постарался сдержать раздражение: обо всем этом следовало подумать заранее. Да, там, за дверью, находится место преступления, но как собрать улики, не отморозив себе задницы?

– Что там лежит, почему надо держать это замороженным? – спросил д’Агоста.

– Животные и части их тел, – ответил Картрайт. – Там хранятся замороженные слоновьи шкуры, собранные еще Тедди Рузвельтом. Когда придет время, мы заменим ими те, что выставлены в зале Африки. Еще есть горилла, которая недавно умерла в зоопарке Бронкса и ожидает мацерации. Ну и так далее.

– Горилла, – протянул д’Агоста. – Ладно... Вот что мы сделаем. Будем заходить внутрь посменно. Дверь не закрывать. Плащи не надевать. Первая смена будет работать столько, сколько сможет, потом придет вторая. И так до тех пор, пока не закончим.

– Мы не сможем держать дверь открытой так долго, – предупредил директор.

– Будем входить и выходить как можно быстрее. Если понадобится, станем закрывать за собой дверь, чтобы камера снова охладилась. Это вас устроит? В смысле сколько пройдет времени, прежде чем горилла оттаит?

Картрайт выглядел недовольным.

– В морозильнике стоит датчик тепловой тревоги.

– Вот и прекрасно. Он будет подавать сигналы, когда нужно закрыть дверь и сделать перерыв. – Д’Агоста обернулся к Карузо и остальным. – Начинайте.

Криминалисты переоделись в защитные комбинезоны. Арчер, начальник службы безопасности, открыл замок и повернул дверь, подвешенную на массивных петлях. Из морозильника хлынул поток обжигающе холодного воздуха, и коридор наполнился облаками пара.

Д’Агоста невольно ахнул. Хранитель растянулся на полу в нелепой позе: голова приподнята, рот открыт в застывшей гримасе, округлившиеся глаза подернуты инеем. Он лежал в нижнем белье и в одном носке. Остальная одежда была разбросана по всему морозильнику: пиджак, брюки, жилет, ботинки. Не было только плаща.

Первая смена вошла внутрь, д’Агоста остался у двери наблюдать за ними. Фотограф делал снимки, специалисты по сбору отпечатков вооружились пинцетами и ультрафиолетовыми фонарями. Коронер склонился над телом, осматривая его с головы до ног.

Д’Агоста повернулся к директору:

– Как его имя?

– Юджин Мэнкоу.

– Почему он без плаща?

– Не знаю.

– Как по-вашему, что он здесь делал?

– Загадка. Морозильная камера относится к отделу млекопитающих. А он из антропологии. Нам точно известно, что вечером его здесь не было. Поэтому, что бы ни произошло, это случилось ночью. Многие хранители работают допоздна, и мы не принимаем особых мер безопасности, за исключением закрытых дверей. Но у него мог быть ключ.

– В этом морозильнике хранятся антропологические образцы?

– Нет, у них свои складские помещения.

Д’Агоста достал фонарик и осмотрел дверь морозильника. Она явно была старой работы: тяжелая, помятая и грязная. С внутренней стороны имелся поворотный запор с надписью: **ЭКСТРЕННЫЙ ВЫХОД**. Ручка была поднята вверх.

– Так всегда делают на случай, если кого-нибудь ненароком закроют здесь, – объяснил Картрайт.

– Похоже, он не сработал. – Д’Агоста осветил ручку фонариком и повернулся к Карузо. – Нужно поискать скрытые отпечатки. – (Карузо кивнул.) – Ты взял с собой оружейника или механика? Я хочу, чтобы кто-нибудь осмотрел механизм.

– Значит, Пол Нгуен. Эй, Пол!

Один из криминалистов подошел к ним.

– Вы не могли бы взглянуть на запор экстренного выхода? – спросил д’Агоста. – Нужно установить, почему он не сработал.

– Пустяковое дело.

Механик тут же принялся за работу: открутил щиток, направил на механизм луч налобного фонаря и стал ковыряться в замке.

Из морозильника, поеживаясь, вышел коронер.

– Осмотрен и готов к отправке.

– Время смерти?

– Предположительно, рано утром, учитывая то, что он промерз до костей. Когда вернусь в лабораторию, посчитаю точнее.

– А почему он без одежды? Кто его раздел?

– Он сам разделся, – ответил коронер, стянул перчатки и потер ладони друг о друга.

– Сам? Откуда вы знаете?

– Это называется «гипотермическое раздевание». Довольно частое явление в подобных случаях. Когда человек замерзает насмерть, он начинает ощущать нестерпимый жар и срывает с себя одежду.

Д'Агоста поморщился. Дичь какая-то.

– Э-э... лейтенант? – позвал его Нгуен, склонившийся над механизмом. – Взгляните сюда.

Он посторонился и осветил бронзовый засов внутри полрой двери. Язычок был спилён, сверкал свежий срез.

– Что и требовалось доказать, – заключил д'Агоста. – Убийство.

17

Солнце Южной Дакоты безучастно освещало пятно крови на месте увезенного трупа. Специальный агент Колдмун стоял у подножия утеса вместе с агентом Бобом Полоньей, а также Джейсоном Лапойнтом, капитаном Правоохранительной службы племени сиу в Роузбаде, и детективом Сюзанной Уилкоккс из отдела по расследованию убийств. Ветер гонял клубы пыли по дну каньона, трепал стебли лебеды и высохшей рисовидки⁴⁰. Был уже конец мая, но грубые укусы ветра настойчиво напоминали Колдмуну, что он вернулся в Южную Дакоту. Колдмун глубоко вдохнул пахнувший пылью и камнем воздух. Боже, как он любил все это!

– Вот здесь мы его и нашли, – сказал Лапойнт. – Ему пустили в спину одиночную пулю двести двадцать третьего калибра.

Полонья со скучающим видом водил носком ботинка по земле. Колдмун хотел было сказать, что не стоит без нужды тревожить место преступления, но придержал язык.

– Взгляните на пласт красной породы наверху, – показал на утес Лапойнт. – Этот вид камня называют трубочным. В момент выстрела убитый находился там, собирая камни.

– Без веревки? Без альпинистского снаряжения? – спросил Колдмун, глядя на отвесные скалы.

Лапойнт покачал головой:

– Грейсон Туигл строго соблюдал традиции. Лакота столетиями собирали трубочный камень без всяких веревок, и он не желал поступать иначе.

– Зачем ему понадобились эти камни?

– Он изготавливал из них трубки, – ответил Лапойнт. – Священные трубки. А также многое другое. Он был известен своими копиями традиционных предметов: выделанной бизоньей кожи, наконечников для стрел и копий, томагавков, изделий из бисера.

Колдмун кивнул:

– Расскажите, как это произошло, кто вел расследование, – обо всем по порядку.

– Звонок приняла Сюзанна, – сказал Лапойнт и обернулся к детективу.

Сюзанна Уилкоккс, молодая, очень серьезная женщина с длинными черными волосами и миндалевидными глазами ониксового цвета, сверилась со своим блокнотом.

– Двадцать первого мая в шестнадцать десять отделение приняло звонок от Маргарет Туигл, жены Грейсона. Та заявила, что несколько часов назад он ушел собирать трубочный камень и до сих пор не вернулся. Сказала, что боится, как бы он не упал. Мы послали сюда патрульного, и тот обнаружил под скалой тело с огнестрельным ранением. Я приехала в восемнадцать шестнадцать, одновременно со «скорой помощью». Но он был уже мертв – пуля прошла через сердце и вылетела спереди. Мы послали патрульного на скалы, и он нашел лежавшую на камнях пулю. Тогда мы начали расследование.

– Хорошо, – сказал Колдмун. – Нужно провести баллистическую экспертизу в лаборатории. А также изучить остальные улики. Мы с агентом Полоньей обсудим это дело в управлении.

– Благодарю вас.

«Прошло два дня, – рассуждал Колдмун. – Довольно большой срок, когда речь идет о расследовании убийства». Он порадовался, немного эгоистично, тому, что дело движется медленно. Раньше понедельника, с учетом волокиты в отделе персонала, ему никак не удалось бы получить допуск к работе.

– Разрешите добавить, что мистер Туигл был видным членом нашего сообщества, – сказал Лапойнт и после недолгого колебания добавил: – Мы рады получить помощь от ФБР, но будем крайне признательны, если вы проявите сдержанность.

⁴⁰ Рисовидка – многолетний злак.

Колдмун наклонил голову в знак согласия. Жаль только, что тело забрали сразу, не дав коронеру возможности его осмотреть.

– Расскажите, насколько продвинулось ваше расследование.

Лапойнт продолжил свой доклад:

– Если коротко, мы сосредоточили усилия на деловых связях мистера Туигла и его прошлом. Непохоже, чтобы у него было много врагов, и мы не нашли ничего, говорящего о мошенничестве или финансовых спорах. Кроме одной детали. Но важной. Он задолжал здешнему торговцу серебром, ракушками и камнями по имени Клейтон Раннинг. Видимо, Туигл не смог вовремя расплатиться, и Раннинг отказал ему в кредите. Они знатно сцепились.

– На словах?

– Нет, по-настоящему. На кулаках и вообще. Первым начал Раннинг, но Туигл вышел победителем и от души отколошматил его. Туигл был сильным человеком, никогда не курил, не пил и каждый день пробегал по пять миль.

– Вы допросили Раннинга?

– Да. У него нет убедительного алиби на это время, разве что жена утверждает, что он весь день просидел дома.

– Сколько Туигл задолжал ему?

– Примерно три тысячи долларов.

Колдмун решил, что ниточка тонковата. Многие люди дают или берут в долг и потом устраивают драки, но не убивают друг друга.

– Вы получили ордер на обыск?

– Еще нет.

– Хорошо, давайте займемся оформлением. И надо найти винтовку двести двадцать третьего калибра. Вы уже определили, откуда был произведен выстрел?

– Нет.

«Почему?» – удивился Колдмун. У него возникло странное ощущение, что они по какой-то причине не очень-то рвутся искать это место. Может, и все расследование ведется в таком же неспешном темпе?

– Все знали, что он ходит сюда за трубочными камнями, так что устроить засаду в снайперском стиле не слишком трудно, – сказал Колдмун и огляделся. – Кромка каньона на первый взгляд вполне подходит. А еще больше – вон тот уступ на полпути вниз. Там, где пещеры. Дождя за последние дни не было?

– Нет.

– Значит, должны остаться следы. Идемте.

– Прямо сейчас? – спросил Полонья. – А разве не нужно вызвать бригаду криминалистов?

Колдмун непонимающе посмотрел на него. На то, чтобы вызвать группу экспертов-криминалистов, уйдет не один день с бумажной волокитой и прочими задержками. За это время все следы улетучатся.

– Да, прямо сейчас. Между прочим, к этому уступу легко подняться справа, вот отсюда.

Колдмун пошел первым, остальные двинулись следом с неохотой. С большой неохотой. Это начало порядком раздражать Колдмуна. Когда они достигли основания утесов по другую сторону каньона, откуда по гребню скалы можно было добраться до уступа, Лапойнт вдруг заявил:

– У меня больное сердце. Не возражаете, если я останусь внизу?

Колдмун окинул его взглядом. Лапойнт вовсе не был похож на человека с больным сердцем.

– Хорошо. – Он посмотрел на Уилкокс. – А у вас со здоровьем все в порядке?

Женщина тоже выглядела обеспокоенной.

– Я могла бы остаться с капитаном Лапойнтом. Кажется, это довольно опасно.

Колдмун оглянулся на широкий пологий склон и покачал головой:

– Ваше дело. А как вы, Полонья?

– Я в порядке.

Они начали подъем и быстро добрались до песчаной площадки с отчетливыми отпечатками ног, за два дня слегка заметенными ветром. Следы принадлежали одному человеку. Но они были слишком расплывчатыми для хорошего слепок. Колдмун сделал несколько снимков и двинулся дальше. Слой трубочного камня проступал все сильнее, и наконец они уперлись в огромный обломок скалы, упавший сверху. За ним оказалась еще одна песчаная площадка со множеством следов. Колдмун сфотографировал и их, потом присел на корточки рядом с обломком и вгляделся в обнажения трубочного камня по другую сторону каньона – отличная точка для наблюдения.

– Здесь и сидел наш стрелок, – сказал он, осматривая скалы в поисках других улик: волос, ниток, окурков.

– Никаких сомнений, – согласился Полонья и тоже огляделся. – Эй!

Колдмун обернулся. Полонья наклонился к застрявшему в песке предмету. Колдмун подошел ближе. Вот она, гильза.

– Ух ты! Давайте сначала сфотографируем эту штуковину.

– Правильно.

Колдмун сделал ряд снимков с разных сторон, потом поднял гильзу пинцетом с резиновыми накладками и опустил в пробирку.

– Отличная работа, напарник, – сказал он, радуясь, что именно Полонья совершил это открытие. Возможно, оно вызовет у агента больше интереса к делу, чем тот проявлял до сих пор. Во всяком случае, Колдмун высоко ценил молчаливость этого парня. Болтающий без остановки напарник был бы сущим кошмаром.

– Спасибо.

– А где живет этот Раннинг?

Полонья пожевал губу.

– Сейчас узнаем.

18

Д'Агоста осторожно втянул носом воздух. Что правда, то правда – он постепенно привыкал к вони в музее.

– Мы должны забрать всю эту штуку, – сказал он Картрайту, показывая на дверь морозильника. – Это улика.

– Ни в коем случае! – воскликнул Картрайт. – То, что здесь хранится, нельзя размораживать. Слоновьи шкуры держали в замороженном состоянии больше ста лет!

– Мне очень жаль, – ответил д'Агоста. – Но нам придется установить оцепление вокруг этой двери, и как можно скорее. Вы можете перевезти свои запасы в другой морозильник?

– Каждая шкура весит больше тонны.

Картрайт повернулся к одному из сотрудников, стоявшему по ту сторону коридора.

– Иван, подойдите, пожалуйста!

Приблизился Иван, маленький и круглый, со взъерошенными волосами, в помятом костюме и очках с толстыми линзами. Высокий лоб был гладким, как полированная слоновая кость.

– Это доктор Иван Мусоргски, заведующий отделом млекопитающих, – представил его Картрайт. – Капитан желает забрать эту дверь. Я попытался объяснить ему, насколько важно сохранять режим заморозки.

Глаза Мусоргски, пугающе увеличенные очками, обратились на д'Агосту. Его голос поражал глубиной и спокойной властью:

– Никаких проблем. Уверен, что наши работники сумеют установить временную дверь. Этого должно хватить, пока я не закажу новую.

Д'Агоста был благодарен этому невысокому растрепанному человеку, который действительно старался помочь следствию.

– Спасибо, – сказал он. – Это очень ценно.

Картрайт вдруг энергично закивал:

– Вот, вот, прекрасное решение! Мы сделаем все, что от нас зависит, лейтенант.

– Доктор Мусоргски, могу я задать вам несколько вопросов, раз уж вы здесь? – спросил д'Агоста. – Официальный допрос свидетелей мы проведем позже, но кое-что, думаю, можно прояснить прямо сейчас.

– Да, пожалуйста.

Д'Агоста отозвал его в сторону. Картрайт двинулся следом, но полицейский покачал головой.

Они зашли за угол, подальше от остальных, и д'Агоста достал телефон.

– Не возражаете, если я буду записывать?

– Как пожелаете.

– Вы знакомы с покойным? – спросил д'Агоста.

Мимо пронесли большой мешок со скорченным, замороженным трупом.

– Да, знаком. – Мусоргски поправил очки. – Точнее говоря, был знаком. Доктор Мэнкоу был хранителем отдела антропологии.

– Каким он был человеком?

– Общительным и доброжелательным. Я нечасто с ним общался, но, похоже, он прекрасно ладил со всеми.

– У вас нет никаких предположений насчет того, что он здесь делал?

– Нет.

– Как часто он сюда заходил?

– Насколько мне известно, Мэнкоу ни разу не появлялся в зоне препарации. Это не самое приятное место из-за запаха. Только техники и помощники хранителя часто работают здесь, но по ночам и они заходят редко.

– Видимо, он зашел в морозильник без плаща, а дверной механизм повредили, чтобы не дать ему выбраться. Все указывает на убийство. Не знаете, за что его могли убить?

– Совершенно не представляю. Это ужасное потрясение.

– Может быть, он крепко дружил с кем-то в отделе млекопитающих?

– По моим наблюдениям, нет, но лучше спросить у кого-нибудь еще.

– А в какой области он работал?

– Кажется, изучал этнологию Северной Америки. Но я бы посоветовал обратиться с этим вопросом в отдел антропологии.

– Можете добавить еще что-нибудь полезное, по вашему мнению?

Мусоргски помедлил с ответом.

– Позвольте высказать одно предположение?

– Прошу вас.

– Это какой-то странный способ убийства. Почему бы не застрелить человека на улице, или в ресторане, или в темном уголке на станции метро? Убийца сильно рисковал, заводя доктора Мэнкоу в морозильную камеру. Если его не накачали наркотиками, он должен был колотить в дверь до тех пор, пока не погиб от холода. По ночам в музее достаточно народа: хранители, охранники и так далее. Поэтому я предполагаю, что это было своего рода предупреждение.

Д'Агосту удивило, что доктор Мусоргски думает почти так же, как он сам. Но постарался не показывать вида.

– Интересно... И что же это за предупреждение?

– Не знаю. Но когда история просочится в прессу, если только уже не просочилась, музей ожидают большие неприятности.

Д'Агоста достал из кармана визитку и передал хранителю.

– Не стесняйтесь звонить мне, если будет новая информация. Днем и ночью. Ах да, последний вопрос: помимо обязанностей начальника отдела, в какой еще области вы работаете?

– Эволюция рода *Rattus*.

– Простите?

– Крысы.

– Ясно. Спасибо.

«Не хуже чего-нибудь другого, – подумал д'Агоста. – Крысы появились раньше *Homo sapiens*. И когда-нибудь станут доминирующим видом. В последнее время все чаще кажется, что это случится очень скоро».

Полтора часа спустя бригада криминалистов закончила работу. Дверь морозильной камеры сняли с петель и упаковали как улику. Музейные рабочие установили временную защиту из досок шесть на два дюйма и фанеры, тщательно залив герметиком.

– Готов к встрече с голодными волками? – шепнул Карузо, наклонившись к уху д'Агосты, когда вся команда снова собралась на первом этаже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.